

На правах рукописи
УДК 911.3:30: 911:3

СОКОЛОВА Александра Александровна

**ГЕОПРОСТРАНСТВО В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЕ (РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ)**

*Специальность 25.00.24 –
Экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора географических наук

Санкт-Петербург – 2013

Диссертация выполнена на кафедре экономической географии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена»

Научный консультант:

Гладкий Юрий Никифорович,

доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой экономической географии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена»

Официальные оппоненты:

Герасименко Татьяна Ильинична,

доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой географии и регионоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет»

Файбусович Эрнест Львович,

доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и природопользования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Ягья Ватаняр Саидович,

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой Мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт географии Российской академии наук»

Защита состоится _____ 2013 г. в ____ часов на заседании совета Д 212.199.26 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена по адресу: 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 12, ауд. 21.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена по адресу: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 6.

Автореферат разослан « » _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

И. П. Махова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный этап развития географии отмечен включением в сферу исследования человека как субъекта восприятия географического пространства и культуры как хранилища географической информации, формирующейся в процессе познания и освоения геопространства, в ходе хозяйственной, обрядовой, рекреационной и иных видов деятельности.

В условиях превращения информации в движущую силу развития общества акцент на изучении пространства в культуре чрезвычайно важен. Развитие интернет и ГИС-технологий привело к появлению новых источников данных о восприятии, реальном и виртуальном (информационном) освоении земной поверхности, к которым относятся фотографии пользователей геосервисов, инкорпорированные в виртуальные глобусы и карты, и так называемые «народные карты». Большой объем информации о восприятии географических объектов субъектами, принадлежащими к различным территориальным общностям (языковым, социальным, культурным), содержат языковые источники – материалы диалектной, топонимической и микро-топонимической лексикографии, словари разговорной речи, введение которых в сферу социальной и культурной географии требует поиска новых географических приемов обработки и представления результатов.

Особую актуальность приобретает сопряженное изучение географических объектов, систем и структур и их языковых и визуальных воплощений, осуществляемое на базе комплексного географического подхода с учетом ландшафтной, природно-ресурсной и социально-экономической специфики территории. Такая постановка задачи исследования отвечает интегративным тенденциям в географии, способствует включению в сферу социальной и культурной географии предметов исследования других областей знания (диалектологии, топонимики, этнолингвистики, культурологии и др.) и, наряду с этим, предотвращает размывание границ между географией и науками гуманитарного блока.

Определение состава, структуры и объема географической информации, аккумулированной в культурах традиционного типа и современной повседневно-бытовой культуре, в так называемой «народной» географии, имеет теоретическое и прикладное значение. Исследования подобного рода составляют основу историко-географических построений, важны для дальнейшего развития социальной, культурной, рекреационной географии. Для России, где природопользование на протяжении столетий осуществлялось в рамках культур традиционного типа и ландшафтно ориентированной этноэкономики, большое значение имеет изучение народной географической терминологии и топонимии. На протяжении техногенного этапа развития цивилизации и в процессе становления современного информационного общества все компоненты традиционного мироустройства и мировосприятия неоднократно подвергались трансформации. Вместе с тем, активно развивающиеся в информационном обществе реклама, брендинг, пиар широко используют ключевые понятия и географическую лексику «народной» географии, а сами подходы к восприятию географической реальности и упорядочиванию информации реализуются в повседневной жизни и сельскими жителями, и горожанами.

Выявление особенностей восприятия и оценки населением среды проживания и рекреации – необходимое условие для осуществления конструктивного диалога

между обществом и властью на локальном и региональном уровнях. Прикладное значение имеет инвентаризация природного и культурного наследия с учетом восприятия территории местным сообществом, географический анализ хозяйственного и экологического опыта коренного населения.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости совершенствования методологии исследования географической информации и разработки методов комплексного изучения геопространства как объективно существующей и субъективно воспринимаемой географической реальности, причем не только в статике (казуальность, корреляционные отношения), но и в динамике, в историческом развитии.

Степень разработанности темы. В настоящее время сложились три подхода к изучению взаимодействий в системе «геопространство – культура»:

- исследования геокультурного пространства – культуры в пространстве (Ю. А. Веденин, Т. И. Герасименко, Ал. А. Григорьев, Ю. Д. Дмитриевский, А. Г. Дружинин, М. П. Крылов, А. Г. Манаков, Д. В. Николаенко, В. Н. Стрелецкий, Р. Ф. Туровский, Э. Л. Файбусович, В. С. Ягья и др.);
- исследования пространства в культуре, выполненные на основе физико-географической (Г. А. Исаченко, Е. Ю. Колбовский, В. А. Николаев, Е. Г. Петрова) или культурно-ландшафтной дифференциации территории (Б. Ц. Гомбоев, В. Н. Калуцков, И. И. Митин, Т. Д. Скрынникова и др.);
- исследования систем, имеющих реально-идеальное содержание (*культурный ландшафт* в трактовке Ю. А. Веденина, *этнокультурный ландшафт* В. Н. Калуцкова, *этнокультурный территориальный комплекс* Т. И. Герасименко, *территориальная культурная система* И. И. Митина).

Развиваемое автором направление, определенное как *лингвогеоиконика* (Сokolova, 2005), близко к разрабатываемой американскими и австралийскими исследователями *этнофизиографии*, в основе которой лежат сходные подходы к изучению народного знания (классификация, графическое и картографическое представление результатов) (Turk, Mark, Stea, 2010). Имеются пересечения с исследованиями географической составляющей СМИ и интернет (М. В. Грибок, Н. Ю. Замятина, Д. В. Заяц, В. А. Колосов, В. Л. Мартынов, Д. Б. Орешкин, В. С. Тикунов, В. В. Чихичин и др.), духовных компонентов культурных ландшафтов (К. Зауэр, С. Шама; Ю. А. Веденин, Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, В. Н. Калуцков, Е. Ю. Колбовский, О. А. Лавренова, И. И. Митин), вернакулярных районов (Р. Хейл, Т. Джордан, У. Зелинский; Л. В. Смирнягин, С. Г. Павлюк и др.), работами, посвященными информационному и социокультурному освоению территорий посредством кадастров и путешественников (Т. В. Илюшина, И. И. Рущинская и др.), лингвистическими исследованиями диалектной производственной терминологии.

Большой вклад в понимания взаимосвязей между культурой и пространством (социальным, культурным, языковым, этническим, конфессиональным) внесли исследования, выполненные в рамках географии и наук гуманитарного блока:

- разработка концепций геопространства (А. Геттнер, А. Ф. Асланикашвили, А. М. Берлянт, Ю. Н. Гладкий, В. М. Гохман, Г. Д. Костинский, Ю. Г. Липец, Я. Г. Машбиц, В. С. Преображенский, Б. Б. Родоман, Ю. Г. Саушкин, А. М. Смирнов, А. М. Трофимов, А. И. Чистобаев,

М. Д. Шарыгин и др.) и научной географической картины мира (А. Г. Исаченко, А. М. Колотиевский, В. П. Максаковский, У. И. Мересте, Н. К. Мукистанов, С. Я. Ныммик, Ю. Г. Саушкин и др.);

- исследования понятийного аппарата и языка географической науки (Э. Б. Алаев, Т. Д. Александрова, Ю. Н. Гладкий, И. М. Забелин, А. Г. Исаченко, В. М. Котляков, Б. И. Кочуров, И. В. Круть, Ф. Н. Мильков, В. С. Преображенский, Ю. Г. Симонов, Д. А. Тимофеев и др.);
- работы по идентификации и упорядочиванию народной терминологии и топонимии, выполненные географами (Л. С. Берг, В. В. Докучаев, В. П. Семенов-Тянь-Шанский; В. С. Жекулин, В. А. Жучкевич, Э. М. Мурзаев, Ф. Н. Мильков, М. Н. Мельхеев, Н. Н. Михайлов, В. А. Никонов и др.) и лингвистами (Е. Л. Березович, О. И. Блинова, А. А. Бурыкин, В. Л. Васильев, А. С. Герд, В. Л. Колосова, Н. В. Лабунец, А. К. Матвеев, В. М. Мокиенко, И. И. Муллонен, С. А. Мызников, М. А. Рут, Н. И. Толстой, Ю. И. Чайкина);
- исследования восприятия и оценки объектов природы (В. П. Семенов-Тянь-Шанский; А.-Р. А. Бударюнас, К. И. Ирингис, В. А. Николаев и др.) и городской среды (Дж. Голд, К. Линч, П. Хаггет, Н. Ф. Дмитриевская, А. Е. Левингов и др.);
- создание моделей мифологического (мифопоэтического) пространства (Э. Кассирер, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров и др.); этнической картины мира как суммы представлений, сформировавшейся на основании этнических констант и ценностных доминант (С. В. Лурье); языковой картины мира и языкового пространства (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. Л. Березович, Й. Л. Вайсбергер, А. Вежбицкая, Т. И. Вендина, А. А. Зализняк, Г. В. Колшанский, А. Ф. Лосев, Э. Сепир, Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой, Б. Уорф, А. А. Уфимцева, Т. В. Цивьян и др.);
- реконструкции мировосприятия и географического кругозора человека прошлого, представленные в трудах лингвистов, историков, географов (М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич, В. фон Гумбольдт, В. С. Жекулин, Д. Н. Замятин, О. А. Лавренова, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, М. Коул, Е. А. Мельникова, Дж. К. Райт, С. Скрибнер, С. Шама, М. Элиаде и др.);
- исследования в области этноэкологии (И. Ю. Гладкий, К. Б. Клоков, И. И. Крупник, П. М. Шульгин).

Знакомство с публикациями, близкими по тематике к диссертации, показало, что предметом изучения в работах российских и зарубежных ученых становится преимущественно один тип культуры (традиционной в ее региональных и локальных вариантах или элитарной, художественной). Ограниченно используются статистический и картографический метод, хотя необходимость в количественных показателях и картографическом представлении результатов исследований признается всеми специалистами.

Большой опыт изучения географической лексики, формирующейся на различных этапах освоения территории, накоплен в диалектологии и топонимике. Однако кросс-культурный и сравнительно-исторический анализ систем народных и научных понятий используются ограниченно. Основное внимание уделяется частным классификациям (формы земной поверхности, растительность, животный мир, поселения,

сельскохозяйственные угодья и т. п.), поэтому логико-понятийные модели (Герд, 1976) не отражают в полной мере сложный комплекс взаимосвязей между компонентами природы, расселением, хозяйством, объектами материальной и духовной культуры. Различное толкование имеют в лингвистике и географии понятия топонимического пространства и таких пространственных свойств как *неоднородность*, наличие *сгущений* и *высокоорганизованных* участков (Топоров, 1962; Бондалетов, 1974; Березович 1992). Основное различие между лингвистическим и географическим видением рассматриваемой проблемы обусловлено тем, что объект внимания лингвиста – *название* (имя), а не *называемое* (денотат имени). Таким образом, весь комплекс взаимосвязей в системе «геопространство – культура» не может быть раскрыт вне географии.

Объект исследования – географическое пространство и географическая информация, аккумулированная в культурах традиционного и современного типа.

Предмет исследования — материально-вещественная и информационная освоенность геопространства; свойства геопространства и геопространственных систем, составляющие содержание «народной» географии и нашедшие отражение в языке как центральном компоненте культуры и современных виртуальных формах представления географической информации (фотоизображения, инкорпорированные в виртуальные глобусы и карты).

Цель исследования: выявление на основе информационно-географического подхода взаимосвязей в системе «геопространство — культура» и раскрытие общих и культурно обусловленных особенностей восприятия, языковой номинации и визуализации геопространства в культурах традиционного и современного типа.

Для реализации целей поставлены следующие задачи:

- 1) формирование понятийного аппарата информационно-географического исследования; обоснование выбора и критический анализ источников;
- 2) разработка методов систематизации, качественного и количественного анализа и картографического представления языковой и визуальной информации, способов изучения информационной освоенности территории;
- 3) выявление узловых элементов геопространства, выступающих в качестве информационных доминант в культурах традиционного и современного типа;
- 4) моделирование на основе материалов диалектной лексикографии и других источников понятийно-терминологических систем, отражающих процессы становления, функционирования и деструкции производственно-расселенческих систем разной типа и ранга; кросс-культурный анализ систем понятий географической науки, прикладных дисциплин и «народной» географии;
- 5) определение изменений в составе географических объектов, вовлекаемых в процессы языковой номинации и визуализации на традиционной, индустриальной и постиндустриальной стадиях развития общества;
- 6) выявление зависимостей между хозяйственной, рекреационной и информационной освоенностью регионов России;
- 7) определение размерности и свойств ойкумены – реально и информационно освоенной части геопространства, сущностных для носителей культур традиционного и современного типа.

Информационная база исследования:

- словари диалектной лексики, народной промысловой и религиозной терминологии, заимствованной лексики; фольклор, литературные произведения;
- исторические и современные толковые и этимологические словари, энциклопедии и справочные издания, содержащие терминологию географии, прикладных наук и отраслей хозяйства (лесное дело, горная промышленность);
- словари современной разговорной речи и городской микротопонимии советского и постсоветского периода;
- архивные документы по истории горного дела (РГИА, ф. 485, оп. 5), в том числе опубликованные впервые; материалы современного земле- и лесоустройства, региональные атласы и карты;
- официальные данные переписей населения 1897, 1989, 2002 и 2010 годов, статистические данные, предоставленные областными администрациями;
- интернет-ресурсы и геосервисы, в том числе виртуальный глобус Google Earth, ассоциированный с WEB-сайтом Panoramio.

Территориальные рамки исследования заданы ареалом распространения русской традиционной культуры, сформировавшимся в пределах таежной, лесостепной и степной зон умеренного пояса Евразии. Основное внимание уделено регионам, освоенным в сельскохозяйственном, промысловом и промышленном отношениях, расположенным в пределах ареала севернорусских говоров (Новгородская земля, Русский Север) и ареалах распространения говоров позднего формирования (Урал, Южная Сибирь, Приамурье). Изучение геопространства в системе городской культуры осуществлено на материалах по Санкт-Петербургу, ассоциируемому в севернорусской (поморской) культуре с внешним пределом ойкумены.

Хронологические рамки определены задачами исследования и составом источников. Языковые данные позволяют рассматривать процессы освоения и землепользования с XVII-XVIII вв. Значительная часть диалектных словарей относится ко второй половине XIX – началу XX в., ко времени, предшествующему коренным изменениям в русской традиционной культуре. Интернет ресурсы, в частности, опубликованные в сети микротопонимические словари и виртуальные геоизображения, характеризуют процесс виртуализации современной культуры.

Научная новизна диссертационного исследования

1. Предложен новый информационно-географический подход к изучению взаимосвязей в системе «геопространство – культура», введены новые понятия «лингвоинформационный комплекс» («лингвокомплекс») и «лингвотоп», уточнено географическое значение понятий «информационное освоение» и «информационная освоенность территории», «информационная доминанта» и др.
2. В социальную и культурную географию введены новые источники:
 - словари народных говоров, сленга, микротопонимов, для работы с которыми адаптирован лексико-географический метод, разработанный в кандидатской диссертации автора для систематизации народной ландшафтной терминологии (Соколова, 1996);
 - ранее не использовавшиеся источники визуальной информации – инкорпорированные в виртуальные глобусы и карты фотоизображения, для работы с которыми предложены приемы количественного анализа и картографирования.
3. Выявлены элементы геопространственных систем линейной и узловой структуры, выступающие в качестве общекультурных информационных доминант.

4. Установлено, что понятийно-терминологическим системам «народной» географии, отражающим целостную многоуровневую картину восприятия и оценки территории населением, присуще свойство эмерджентности.
5. Определено местонахождение Аркиинского (Иркинского) железоделательного завода (Нерчинский горный округ), сведения о котором считались утраченными; Выявлены и описаны процессы «информационного» запустевания территорий с аграрной специализацией и исторических центров горного промысла.
6. Впервые составлены картосхемы информационной освоенности территории России и отдельных регионов, позволившие проследить связи между информационной, социокультурной, рекреационной освоенностью.
7. Внесено новое содержание в научную концепцию ойкумены как материально и информационно освоенной части геопространства.

Теоретическая значимость исследования

1. Разработаны методологические основы и понятийный аппарат информационно-географического исследования геопространства; обосновано введение в социальную, культурную и рекреационную географию новых источников – словарей народных говоров и разговорной речи, виртуальных глобусов и карт.
2. Определены принципы и методы анализа географической информации, аккумулированной в культурах традиционного и современного типа; доказана системообразующая роль понятий социально-экономической географии в упорядочивании информации, составляющей содержание «народной» географии.
3. Созданы понятийно-терминологические и картографические модели систем расселения, коммуникаций и других каркасных структур геопространства.
4. Изучены в информационно-географическом отношении геосистемы зонального ряда и их аналоги, природно-ресурсные системы разного типа, региональные и локальные системы расселения и хозяйства. Установлен состав морфологических и оценочных признаков объектов, общих для географической науки, прикладных дисциплин и «народной» географии.
5. Созданы понятийно-терминологические и картографические модели геопространственных систем, формирующихся на традиционной, индустриальной и постиндустриальной стадиях развития общества; проведен сравнительно-географический и кросс-культурный анализ понятий, описывающих процессы хозяйственного и информационного «освоения» и «запустевания» территорий.
6. Выявлены положительные и отрицательные зависимости между уровнем социально-экономического развития, рекреационной и информационной освоенностью регионов России.
7. Выявлены концентрическая структура и переменная масштабность ойкумены – специфические свойства геопространства, субъективно воспринимаемого носителями культур традиционного и современного типа.

Практическая значимость диссертационного исследования:

1. Разработанные автором принципы информационно-географического исследования и методы работы с терминологией «народной» географии могут применяться в междисциплинарных проектах, реализуемых на территориях с сохранившимися элементами традиционной культуры, в полевых культурно-географических и этнолингвистических исследованиях, в лингвогеографическом картографировании, при проектировании и экскурсионном сопровождении этнических туров;
2. Приемы анализа информационной освоенности территорий с помощью виртуальных глобусов и карт пригодны для мониторинга туристско-рекреационных

центров и зон. Метод апробирован на территории, прилегающей к Волго-Балтийскому водному пути, результаты представлены Департаменту международных, межрегиональных связей и туризма Вологодской области.

3. Методика анализа имиджа регионов России, создаваемого пользователями геосервисов, может найти применение в географической имиджелогии и программах по развитию регионов и муниципальных образований, PR-проектах.

4. Материалы диссертации легли в основу лекционных авторских курсов «Региональная география», «Гуманитарная география», «Историческая география», использованы в программах по экологическому воспитанию, образованию и просвещению школьников, осуществляемых при поддержке Комитета общего и профессионального образования Ленинградской области, используются в преподавании школьного курса географии в школах Вологодской области, при обучении студентов Вологодского государственного педагогического университета.

Методология и методы исследования. Диссертационная работа имеет междисциплинарный характер и опирается на теоретические положения и понятийный аппарат, разработанные в отечественной и зарубежной социально-экономической, исторической, культурной географии, ландшафтоведении, а также в науках гуманитарного блока, оперирующих понятиями *культура* и *пространство*. Использование понятия *ойкумены* как «одомашненного» пространства, среды обитания и хозяйственной деятельности человека, позволяет частично снять неизбежно возникающее противоречие между материальностью географического и виртуальностью информационного пространства. В диссертационном исследовании использованы научные подходы, сфера применения которых выходит за рамки географии: антропоцентрический (В. П. Семенов-Тянь-Шанский, гуманистическая география Запада), деятельностный (Н. В. Каледин), цивилизационный, восходящий к трудам Л. Н. Мечникова, А. Тойнби, О. Шпенглера, и получивший развитие в современной географии (В. А. Дергачев, В. Л. Мартынов, В. Д. Сухоруков и др.), идея кормящего ландшафта Л. Н. Гумилева, исследования в области экологической и социальной психологии (Дж. Гиббсон, С. Милграмм, С. В. Лурье, С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин), фольклористики, лингвокультурологии, микротопонимики (В. В. Воробьева, Н. В. Дранникова, В. С. Елистратов, В. В. Красных, Т. Г. Никитина, С. Г. Тер-Минасова, В. В. Химик и др.).

В основе исследования лежит базовое понятие *географическое пространство* (*геопространство*), рассматриваемого как совокупность территориальных систем и как социальное пространство, в котором возможны процессы «сжатия» и «растяжения», а также комплексы понятий, описывающих:

- морфологию и внутреннюю структуру геопространственных систем – природных, антропогенных и природно-хозяйственных, в число последних включены *ландшафтно-географические зоны* Л. С. Берга, *типы местности* в ресурсно-оценочной трактовке Г. Н. Высоцкого и В. С. Преображенского, *поречья* (А. Ю. Ретеюм, Н. А. Солнцев, О. А. Трапезникова и др.);
- линейные, сетевые, узловые структуры, образующие каркас геопространства: коммуникации, системы расселения и хозяйства, в том числе *опорный каркас расселения* (А. И. Алексеев, Н. Н. Баранский, С. А. Ковалев, Г. М. Лапо,

И. М. Маергойз, Т. Г. Нефедова, П. М. Полян, Б. Б. Родоман, А. А. Ткаченко, Б. С. Хорев и др.);

- центрированные структуры, выделенные первоначально И. Тюненом, В. Кристаллером, А. Лёшем и исследуемые социально-экономической и физической географией (Б. Б. Родоман, А. Ю. Ретеюм, А. И. Трейвиш, В. А. Шупер и др.), исторической географией – модели типа «поселение — окрестность» (К. Г. Раман и В. В. Штейнс, Е. А. Скупинова), гуманитарной и культурной географией (Д. Н. Замятин, В. Л. Каганский, В. Н. Калуцков, О. Р. Ширгазин и др.), смежными дисциплинами – этнографией, диалектологией, топонимикой (Н. В. Жуковская, М. А. Рут, Е. Л. Березович и др.);
- границы физико-географические, социально-экономические, этнические (этнокультурные), геополитические (С. С. Артоболевский, Л. Б. Вардомский, Т. И. Герасименко, Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, А. Г. Манаков, В. Е. Шувалов и др.);
- территориальную организацию общества, поселенческих и территориальных общностей людей (Л. В. Смирнягин, А. А. Ткаченко, Б. М. Шарыгин и др.);
- антропоцентрические структуры: *повседневное окружение человека* (Т. Хегерстранд и последователи Лундской школы); *местное сообщество* как совокупность нескольких деревень, вовлеченных в сферу локального рынка (Г. Скиннер); *большой город* (К. Линч и его последователи);
- свойства геопространства: континуальность/дискретность, изо- и анизотропность, искривленность и др., рассмотренные в работах Э. Б. Алаева, В. М. Гохмана, Г. Д. Костинского, Л. В. Смирнягина, Е. Н. Перцика, Б. Б. Родомана, М. А. Розова, А. И. Трейвиша, В. А. Шупера и др.;
- иерархические отношения между компонентами геопространства и геопространственных систем разного типа (А. М. Берлянт, И. В. Круть, А. Н. Ласточкин, В. С. Преображенский, Б. Б. Родоман, К. А. Салищев, А. И. Спиридонов, А. И. Трейвиш);
- самоорганизацию и саморазвитие структур (А. Л. Валесян, Б. Б. Родоман, С. А. Тархов, В. А. Шупер).

Ведущую роль в исследовании играет системно-структурный подход. Наряду с методами географии (сравнительно-географическим, количественным, картографическим) использован кросс-культурный анализ, приемы логико-понятийного моделирования и другие способы получения и представления данных. Познание свойств геопространства и геопространственных систем, нашедших отражение в культурах традиционного и современного типа, построено на индуктивном методе, позволяющем наиболее полно раскрыть географическую специфику используемых языковых и виртуальных источников.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) словари народных говоров, разговорной речи, сленга – массовые источники географической информации, комплексный анализ которых позволяет выявить состав и структуру понятийных систем «народной» географии, специфику восприятия геопространства субъектами – носителями культур традиционного типа, а также географическое содержание современных повседневно-бытовых представлений, присущих горожанам и жителям сельской местности;

2) инкорпорированные в виртуальные глобусы и карты фотоизображения – новый источник информации, открывающий возможности для социально- и культурно-географических построений, теоретических и прикладных исследований по рекреационной географии, мониторинга информационной освоенности регионов разного таксономического уровня; источник позволяет создавать структурные и картографические модели, в том числе карты информационной освоенности регионов;

3) аккумулятивная в культурах традиционного и современного типа языковая и визуальная информация фиксирует морфологически выраженные объективные метрические и топологические свойства геопространства, геопространственных систем, их элементов и компонентов; пространственные и функциональные отношения между системами; внутрисистемные связи и взаимодействия; различие в объемах информации способствует выделению *информационных доминант*;

4) система понятий «народной» географии строится на основе понятий социально-экономической и рекреационной географии и опирается на трехсекторную модель экономики;

5) в системах народных терминов и фотоизображениях зафиксированы проявления широтной зональности геосистем, концентрическая зональность разной природы, другие свойства геопространства (полимасштабность, иерархичность, континуальность и дискретность);

6) в «народной» географии адекватно отражены системы расселения, территориальная структура традиционного хозяйства, состав ресурсов, системы землепользования, процессы освоения и запустевания территорий; переход от традиционной цивилизации к техногенной и информационной сопровождается уменьшением объема информации экономико-географического содержания и нарастанием объема информации рекреационно-географической, ростом информационной освоенности геопространства;

7) выявлены корреляционные отношения между показателями социально-экономической, рекреационной и информационной освоенности территории; разработана типология регионов России по степени виртуальной освоенности;

8) установлено, что субъективно воспринимаемое геопространство – ойкумена обладает специфическими свойствами (центрированность, концентрическая зональность, семантическая неоднородность, переменная масштабность), фиксируемыми с помощью количественного и качественного анализа языковой и визуальной географической информации.

Достоверность результатов исследования обеспечена использованием комплексного подхода к изучению географических объектов, охваченных языковой номинацией и визуализацией, репрезентативностью частично перекрывающихся источников вербальной и визуальной информации, опорой на результаты экспедиционных исследований автора (Русский Север, Поволжье, Алтай, Забайкалье). Положения диссертации сформулированы на основе географического анализа словарей диалектной лексики, охватывающих основной ареал распространения русских говоров, а также картографических материалов, включая виртуальный глобус Google Earth, материалов Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) и

ряда областных архивов, статистических материалов. Надежность выводов обусловлена использованием большого объема исходных данных, однотипностью источников, широким территориальным охватом исследования.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические и прикладные результаты исследования докладывались на международных и российских конференциях: Первых чтениях памяти Ю. Д. Дмитриевского (Вологда, 2002), «Региональные тенденции взаимодействия человека и природы в процессе перехода от аграрного общества к индустриальному» (Тверь, 2003), XII съезде Русского географического общества (Санкт-Петербург, 2005); международных конференциях по исторической географии (Санкт-Петербург, 2002, 2007, 2011), Первом Российском культурологическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2006), II Поморских чтениях по семиотике культуры (Архангельск – Кенозеро, 2007), на международных конференциях «Россия: воображение пространства / пространство воображения» (Москва, 2009), «Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития в современном мире» (Санкт-Петербург, 2010), «Мариинская водная система: природный, культурологический, экономический и социально-экономический потенциал развития (к 200-летию открытия)» (Вологда, 2010); «Экологическое равновесие и устойчивое развитие территории» (Санкт-Петербург, 2011); международных научно-практических конференциях «Туризм – ответ на вызовы современности» (Санкт-Петербург, 2008), «Сервису и туризму – инновационное развитие» (Санкт-Петербург, 2010, 2011), «Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность» (Великий Новгород, 2010); диалектологических совещаниях по созданию проекта «Лексического атласа русских народных говоров» (Санкт-Петербург, 1994, 2007-2012), научном семинаре по исторической географии при Институте географии РАН (Москва, 2010, 2011), XXIX и XXX сессиях Международной академии регионального развития и сотрудничества (Пенза, 2012; Саранск, 2013).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 100 печатных работ объемом 72,5 авторских листа, в том числе 16 статей в научных рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК, общим объемом 8,5 печатных листа, 2 монографии, 1 методическое пособие.

Структура и объем работы. Диссертация объем 351 с. состоит из введения, семи глав, заключения, списка литературы и приложений. Библиография содержит 605 источников.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, охарактеризована научная разработанность проблемы, определены объект, предмет, цель и задачи, решаемые в диссертации, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «**Геопространство и культура в контексте информационно-географического исследования**» определена сущность используемых понятий и подходов (деятельностного, антропоцентрического, цивилизационного), раскрыта история становления и специфика исследований «пространства в культуре», определено место комплексных исследований объективной, субъективной и отраженной реальности в системе географических наук и смежных дисциплин.

Используемая в работе концепция геопространства близка к трактовке понятия в работах У. И. Мересте и С. Я. Ныммик, В. С. Преображенского, А. И. Трейвиша. *Географическое пространство* рассматривается в материалистической трактовке как совокупность материальных, вещественных, объективно существующих (существовавших) территориальных систем (включая социальные системы), связанных пространственно-временными, иерархическими, функциональными отношениями. Геопространству присущи ритмика, цикличность и полимасштабность, заданная иерархией составляющих систем; оно территориально, но не сводимо к территории. Компонентами геопространства выступают оро- и гидросеть, геосистемы зонального ряда и их аналоги; сети коммуникаций, поселений и культовых мест, производственные системы, функциональные зоны и границы разного типа.

Культура рассматривается в двух аспектах: территориальном, как совокупность результатов материальной и духовной деятельности территориальных общностей людей, воплощенных в расселенческих, производственных, рекреационных, религиозно-обрядовых и иных территориальных структурах, и в информационном, как совокупность географических знаний – информации, необходимой для создания и поддержания перечисленных выше территориальных структур. Такая трактовка близка к понятию географической культуры (Максаковский, 1997). Основное внимание автор уделяет повседневно-бытовому, «естественному» знанию, которое, вопреки сложившемуся в науке мнению (Мельникова, 1998, с. 31), также построено на осмыслении и систематизации фактов, установлении связей между явлениями, хотя объяснительные модели и основания классификаций могут принципиально отличаться. Ключевое место в исследовании занимает информация о территориальных объектах и структурах, представленная в языковой и визуальной форме.

Под *традиционной культурой* понимается культура доиндустриального общества, в которой географическая информация зафиксирована в народных географических терминах, топонимах, микротопонимах, котайконимах. Согласно обобщенным Д. И. Менделеевым данным переписи населения 1897 г., на финальной стадии развития традиционной культуры в России обособились три группы населения, отличающиеся *способом существования*, что соответствует современным представлениям о секторах экономики и, соответственно, три субкультуры: 1) *добывателей сырья* (охотники, рыболовы, земледельцы, лесоводы); 2) *промышленников* (кустари, ремесленники, фабричные и заводские рабочие, в том числе занятые добычей и плавкой руд); 3) работающих в непромышленной сфере (занятые при перевозке, торговцы, прислуга и др.). Более половины *кормильцев* – крестьяне. На обрабатывающую промышленность и горные промыслы приходился 21% занятых, из них менее 1% в горных промыслах. В транспорте и связи было занято около 3%, в торговле – около 5%.

В качестве культур *современного* типа рассмотрены: 1) повседневно-бытовая городская культура и, соответственно, *географический лексикон* и *топонимикон горожанина*, представленные в лексике разговорной речи; 2) интернет-культура с *виртуальными фототеками*, инкорпорированными в виртуальные глобусы и карты. Формирование культур современного типа началось в Новое время с развитием и популяризацией научного знания, развитием промышленности, торговли, образования. Современная повседневно-бытовая культура находится в оппозиции к традиционной и одновременно генетически с ней тесно связана. Таким образом, в основе исследования лежит «треугольник культур», познаваемый путем сравнительного

анализа состава и структуры географических понятий традиционного, современного (индустриального и постиндустриального) и научного знания.

Мостом между геопространством и культурой служит понятие *ойкумена* – освоенная, *одомаишенная* часть геопространства, наделенная новыми системообразующими свойствами. Структура ойкумены выстраивается в соответствии принципами антропоцентризма и деятельности, что позволяет сосредоточить внимание на взаимосвязях между географическими объектами и носителями культуры (и информации), субъектами пространственной деятельности. В число близких понятий входят *жизненное пространство*, *хоумленд*, *социальное пространство* в трактовке Л. В. Смирнягина, социокультурная система Д. Н. Николаенко.

Каждой культуре присуща своя *модель ойкумены* (в этнологии и культурологии используется более широкое понятие *картина мира*) и формы ее представления. *Цивилизационный подход* позволяет обоснованно выделить три типа моделей ойкумены – *доиндустриальную*, *индустриальную* и *постиндустриальную*, что соответствует этапам эволюции геопространства, сопровождавшимся расширением границ освоенных территорий и изменениями в их восприятии и оценке. Всем моделям присуще разделение географических объектов на *свои* и *чужие*.

Схематично эволюцию исследований геопространства в культуре можно представить в виде пучка взаимосвязанных направлений, которые оформились на разных стадиях развития географии и различаются между собой подходами к выбору предмета, источниками и методами исследования, местом в структуре современного гуманитарно-географического знания. В настоящее время гуманитарная составляющая в той или иной степени присуща практически всем отраслям географии. Гуманизация объекта исследования нарастает от физической географии к общественной (рис. 1). Степень гуманитаризации методов и источников увеличивается при переходе к изучению социальной и индивидуальной реальностей. Область информационной географии расположена на стыке культурной географии, гуманитарной географии в трактовке Д. Н. Замятина, и неогеографии – нового землеописания с помощью ГИС-технологий. Информационная география граничит и взаимодействует с историей, культурологией, диалектологией, этнолингвистикой, топонимикой, социальной психологией, социологией. В число заимствованных из гуманитарных дисциплин методов входят контент- и кросс-культурный анализ, логико-понятийное моделирование и др. Л. Н. Гумилев применял методы естествознания к гуманитарному (историческому) материалу (Гумилев, Иванов, 1992). Специфику информационной географии определяет использование гуманитарных методов и источников применительно к географическому материалу. Объяснение при этом базируется на географических понятиях и языке карты, на территориальном анализе и синтезе. Суть информационной географии составляют исследования «геопространства в культуре», где культура понимается как коллектор информации и совокупность географических знаний и представлений, как объективных, так и субъективных, детерминированных культурой, к которой носитель информации принадлежит.

Рис. 1. Информационная география в системе междисциплинарных исследований

Во второй главе «**Методологические основы информационно-географического исследования**» раскрыты подходы к изучению географических объектов, вовлеченных в процессы языковой номинации и визуализации, обоснован выбор источников, модельных территорий и форм представления результатов. В основу концептуальной схемы исследования положены представления об «отраженной» географической реальности – *информационном пространстве*, рассмотренном на уровне языкового и виртуального слоев (фотоизображения, инкорпорированные в глобусы и карты). В языковом слое выделены пласты научной и народной географической терминологии; топонимии и микротопонимии; географической лексики фольклорных и литературных произведений; разговорной речи, рекламы.

Основные источники языковой информации: 1) словари русских говоров: а) полидиалектные: Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (СД), Словарь русских народных говоров (СРНГ); б) региональные: Словарь вологодских говоров (СВГ), Словарь вологодского областного наречия (СОВН), Новгородский областной словарь (НОС), Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий (СРГКСТ), Словарь русских говоров Забайкалья (СРГЗ), Словарь русских говоров Приамурья (СРГП); 3) локальные: холмогорского говора (Гранди-левский, 1907) (СХГ), череповецкого говора (Герасимов, 1910) (СЧГ), Диалектный словарь личности (Тимофеев, Тимофеева, 2010) (ДСЛ); 2) словари современной лексики, фразеологии, микротопонимии: Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи (Химик, 2004) (БСР), Толковый словарь русского сленга (ТСРС), Так говорит молодежь: словарь сленга (ТГМ), Большой словарь русских поговорок (БСРП), Микротопонимика Ленинграда-Питера (В. Ф. Лурье) (МЛП).

Дополнительно привлечены исторические диалектные, толковые и терминологические словари: Словарь Академии Российской, 1789–1794 гг. (САР), Лесной словарь, 1843-1845 (ЛС); Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII –первой половины XVIII в. (СНДРС), Словарь устаревшей и диалектной лексики сказов П. П. Бажова (Бажовская энциклопедия –БЭ); словари иноязычной и заимствованной лексики: Бурятско-русский словарь (БРС), Тунгусо-маньчжурские заимствования в русских говорах Сибири (ТМЗРГС), Бурятские шаманистические и дошаманистические термины (БШДТ).

Словари народной географической терминологии в контексте исследования менее информативны, поскольку топонимическая направленность ограничивает состав словника и акцентирует внимание на природных объектах, например, в Словаре народных географических терминов Э. М. Мурзаева (СМ) не приведены экономико-географические значения термина *гора* – ‘рудник; рабочие рудника’ (СРНГ). В качестве дополнительных источников привлечены исторические и современные карты; схемы землепользования; креолизованные тексты.

Источники визуальной информации – фотоизображения, инкорпорированные в виртуальный глобус Google Earth, ассоциированный с Web-сайтом Panoramio. Совокупности снимков объектов, расположенных в пределах конкретных территорий, образуют фототеки соответствующего уровня (региональные, локальные и т. п.). Носителем одновременно визуальной и языковой информации служат фотоизображения с подписями, так называемые *креолизованные тексты*.

Для исследования дифференциации языковой и визуальной информации в пространственно-временном, качественном и количественном отношении используются общепринятые и разработанные автором методики.

Лексико-географический метод (Соколова, 1996) в отличие от предложенного В. С. Жекулиным лексико-ландшафтного способа историко-географического исследования (1972, 1982) базируется на диалектных источниках преимущественно регионально-локального уровня, приемах логико-понятийного моделирования (Герд, 1976), количественном и картографическом анализе. Массивы диалектной и разговорной лексики географического содержания в совокупности с топонимией и микропонимией образуют *лингвокомплексы*, описывающие отдельные географические объекты и геопространственные системы. Алгоритм работы с языковым источником содержит следующие операции: 1) формирование на основании сплошной выборки массива географической лексики; 2) идентификация народных (повседневно-бытовых) и научных терминов; 3) создание терминосистем «народной» географии, опирающихся на три группы классификационных признаков: а) доступные для восприятия носителем языка объективные причинно-следственные и пространственно-временные (структурные, динамические, эволюционные) отношения между элементами и компонентами геопространства; б) объективные свойства геопространства, не фиксируемые носителями языка, но опосредованно проявляющиеся в составе и структуре терминосистем; в) субъективные отношения между носителем языка и воспринимаемой им реальностью; 4) определение количественных показателей (объем терминосистем, число уровней, соотношение собирательных и разделительных понятий); 5) выявление терминов, служащих индикаторами эмерджентности терминосистем (названия сложных объектов, воспринимаемых как территориальные и социально-экономические целостности: поселение с угодьями; бассейн реки и населяющие его жители; горный цех и его работники). Ойконимы, информативные в географическом отношении, разделяются вслед за М. В. Витовым и И. В. Власовой (1974) на локативные и квалитативные. Первые характеризуют топографическую привязку объекта, рельеф, растительность, вторые определяют типы поселений и угодий.

Информационное картографирование. Картографирование мест записи лексики и объектов фотофиксации позволяет установить особенности пространственного распределения языковой и визуальной информации; выявить ядра, линии и зоны концентрации информации и информационные лакуны, определить объекты, выступающие в качестве *информационных доминант* в рамках одной или нескольких культур (*транскультурные доминанты*). Масштабный ряд задают объективная размерность геопространства и степень обобщения географической информации, присущая рассматриваемым народным терминам, топонимам, фотоизображениям.

В число картографических моделей входят: 1) карты локализации объектов, вовлеченных в процесс восприятия, языковой номинации и визуализации; 2) карты с двойной легендой, служащие для идентификации народных и научных терминов (Соколова, 1996); 3) картограммы и картодиаграммы, отражающие количественное распределение информации, топонимическую и виртуальную освоенность территории; 4) структурные картосхемы, отображающие морфологию и структуру информационно освоенных геопространственных структур. Низкая информационная освоенность характерна, например, для точек схождения административных границ. Примером таких территорий служит «пограничная» Кулижская волость, которую в XIX в. называли *лѣснина* 'лесной край' (СРНГ, 16, с. 372). На виртуальном глобусе Google Earth стык границ выглядит лишенной фотоизображений информационно «пустыней» (рис. 2). Снимки прилегающей территории с разрушенными жилыми домами и храмами фиксируют запустевание территории и деструкцию локальных систем расселения.

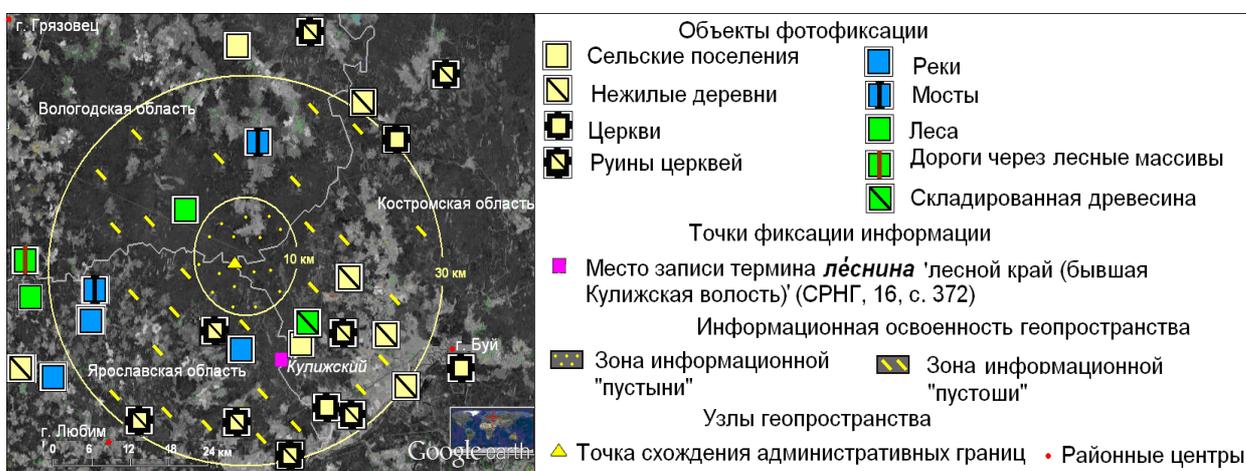

Рис. 2. Структура информационного пространства, формирующаяся вокруг точки схождения границ Вологодской, Ярославской и Костромской областей (данные 2012 г.)

Комплексный анализ языковой и визуальной информации включает: изучение взаимосвязей и корреляционных отношений между слоями информационного пространства; сопряженный анализ данных об информационно освоенности территории и количественных показателей, касающихся расселения населения (людность и густота населенных пунктов), функционирования производственных предприятий, демографических показателей, развития туризма и рекреации; кросс-культурный анализ моделей ойкумены, формирующихся в традиционной и современных культурах. Наиболее важны связи между показателями реальной и информационной освоенности геопространственных систем, например, приуроченность ареалов с высокой

плотностью христианской ойконимии к зонам ранней славянской колонизации с высокой плотностью сельских населенных пунктов (см. рис. 3).

Рис. 3. Количественный анализ топонимической информации (Соколова, 2006)

Определить модельные территории для информационно-географического изучения конкретных отраслей хозяйства позволяют показатели распределении работающей части населения по секторам экономики на финальной стадии развития традиционной культуры (рис. 4). Сельское хозяйство и соответствующая терминология имеют общероссийский ареал, но обладают региональной спецификой, обусловленной своеобразием ресурсов, специализацией земледелия и скотоводства. Терминология фабрично-заводской промышленности содержится в говорах центральных краев, горнопромышленная – в говорах Урала, Южной Сибири и Приамурья, промысловая – в говорах Европейского Севера, низовий Волги, Сибири. Весь спектр отраслей представлен в Забайкалье, первоначально осваивавшемся выходцами с Русского Севера, позже – мигрантами из западных и южных губерний Европейского России.

Рис. 4. Распределение занятых в секторах экономики России по данным Всероссийской переписи населения 1897 г. и Д. И. Менделееву (1906)

В третьей главе «Опорные структуры геопространства, вовлеченные в процесс языковой номинации и визуализации в культурах традиционного и современного типа» проанализирована языковая и визуальная информация об элементах и компонентах каркасных структур (линейных, зональных, сетевых и концентрических), выделившихся в качестве факторов дифференциации хозяйственной и иной пространственной деятельности.

Орография, гидросеть, коммуникации. Основным объемом народной физико-географической терминологии составляют названия элементов водных и сухопутных коммуникаций, сакральных точек (родники, горы, перевалы, перегибы склонов как места локализации храмовых и жилых построек). Это определяет большой объем и высокую степень упорядоченности геоморфологической и гидрологической терминологии (рис. 5). Число уровней в терминосистемах равнинных и горных регионов достигает пяти – восьми, спектр объектов терминологизации чрезвычайно широк – от хребтов и крупных водотоков до трещин в скальных массивах. Выявлено сходство систем научных и народных понятий, описывающих морфологию рельефа и гидросети, элементы земной поверхности (Соколова, 2003).

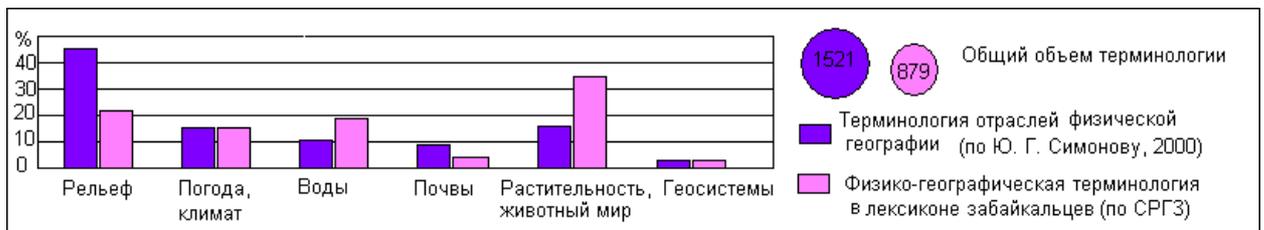

Рис. 5. Соотношение объемов терминосистем в народной и научной географии

Дорожная сеть способствует проявлению пластики рельефа и рисунка гидросети. Гипсометрия лежит в основе выделения коммуникаций и отдельных участков дорог, идущих по гребневым линиям – вершинам гор и сопок (*станови́к*), по пересеченной местности (*косогорая дорога*), вдоль *угора* – бровки коренного берега (*угорная*), по льду реки близ крутого берега (*подъярье*) (СРНГ). Литология поверхности находит отражение в делении дорог на каменистые (*сдериха*) и песчаные (*песчанка*). Аналогичная система понятий используется в классификации рек (горные и равнинные, с каменистым или песчаным дном). Топографическая привязка к границам разного типа способствует выделению дорог приморских (*та́йбола*), приречных (*набережная, доловая*) и междуречных (*волок*). К ландшафтной границе, сформировавшейся в результате смены условий увлажнения, приурочены *тайгызы* ‘охотничьи тропы, идущие по границе леса с болотом’ (СРНГ).

В соответствии с плановым рисунком выделяются реки и дороги прямые (*пластом*) и идущие *локтями, зубцами, коленами (блудные, крюковатые, путлявые)*. Многочисленны названия узловых точек (поворотов, развилок, перевалов): *разлом* в значении ‘1. Наивысшая точка дороги, идущей через перевал в горном хребте. 2. Холм в степи между двумя долинами’; *стрелка* в значении ‘1. Развилка дороги. 2. Поворот дороги. 3. Место слияния двух рек. 4. Отдельно стоящая от гряды сопка, выходящая на берег реки’ и др. (СРНГ). Большой объем имеет сопутствующая лексика, характеризующая условия плавания (мели, камни в русле, водовороты, пороги) и проезда (накатанность, ширина, колейность полотна, встречающиеся препятствия

– ухабы, сезонные бугры пучения и проч., устройства для их преодоления – мосты, настилы, объезды).

Языковые данные фиксируют морфологическое подобие линейно-узловых каркасных структур физико- и общественно-географической природы и близкие подходы к ранжированию и дифференциации их составляющих. Хребты, реки, пути делятся на главные «*становые*» и второстепенные, нередко обозначаемые с помощью метафор (*ветвь, рука*). *Отвершки* падей и хребтов, мелкие водотоки, труднопроходимые горные тропы *мандрыки* (СРГЗ) формируют морфологически сходные сети на границах освоенных и неосвоенных территорий.

Перечисленные особенности водных и сухопутных путей нашли отражение в современной городской микротопонимии, широко представлены на фотографиях. В удаленных и слабоосвоенных регионах они стали основными объектами визуализации. Авторы ряда снимков использовали народные термины, например, *лава* ‘пешеходный мост через речку’, *рёлка* ‘возвышенность в пойме, прирусловой вал’. В разговорную речь вошла лексика, характеризующая состояние дорожного полотна (*стиральная доска*), названия сезонных дорог (*летник, зимник*). В «народной» географии эти понятия более детализированы: *вешник* ‘окольная дорога, прокладываемая весной в разлив’, *путіще* ‘зимняя дорога, тропа в лесу через мох или болото’ (СРНГ).

Природная зональность и ее аналоги. Русские говоры содержат большой объем терминологической лексики, характеризующей элементы и компоненты геосистем зонального ряда и их высотных аналогов в морфологическом и ресурсном отношении. Сформировались общие понятия *тундра, гольцы, тайга* (обычно в суженной трактовке ‘обширный хвойный массив’), *чернь* (темнохвойная равнинная или горная тайга), *степь* (равнинная и горная). Как совокупности компонентов представлены лесотундра и лесостепь. Наиболее отчетливо зональные черты природы проявляются через состав терминов, раскрывающих состав и специфику ресурсов животного мира, дикоросов, почв. Например, концентрация названий морошки приходится на таежные регионы, а сопутствующей лексики – на северную тайгу, где вид является важнейшим объектом промысла (рис. 6). Предел распространения смешанных лесов маркирует ареал липы сердцелистной, внедряющейся по долинам рек в среднюю тайгу. Лексика, характеризующая липу как ресурс, зафиксирована в центральной части ареала вида.

Рис. 6. Липа (*Tilia* L.) и морошка (*Rubus chamaemorus* L.) в народной терминологии и лексике, связанной с использованием сырья (по данным СРНГ, СРГКСТ)

Наиболее доступны для восприятия носителями традиционной культуры природные (природно-ресурсные) целостности топологического ранга, идентифицированные как натурные выделы фаций и простых урочищ, элементы внутрифациальной неоднородности (ягодники, поляны и др.). В совокупности они образуют субстрат освоения, основу культурного ландшафта в трактовке Б. Б. Родмана и Е. Ю. Колбовского. Отчетливо фиксируется в языке местоположение и приуроченность геосистем к линейным элементам рельефа: берегам рек и тальвегам падей (*назречные луга, поречный* и *надёвый лес*); притеррасным понижениям (*калтус* 'переувлажненный кочкарный луг', *олёх, олешиник* 'сероольшаник'); уступам террас и коренного берега с боровыми сосняками (*бор, борок*). В горных регионах аналогичную роль играют гребневые линии, перегибы склонов: *омшара* 'пологое каменистое предгорье, пригодное для пастбы овец' (СРГЗ). Геосистемы, дифференцированные по степени измененности, составляют ячеистые структуры, рисунок которых задают сети поселений и коммуникаций, административные границы. Такие сети образуют на равнинах заболоченные междуречья (*мхи, чисты*), в горах – орографические узлы с массивами горной тайги: *дайга* 'горы в верховьях рек', *зутан* 'труднопроходимая неизведанная тайга' (СРГЗ).

В число признаков, лежащих в основе языковой номинации ландшафтных выделов, входят: 1) топографическая привязка относительно реки, поселения, дороги и т. д.; 2) длительность и характер использования; 3) морфо-ресурсные особенности (рисунок контура, микро- и нанорельеф; характерные растения и животные, особенно промысловые виды; относительные показатели производительности почв и растительного покрова – высота, сомкнутость, механический состав и цвет верхних почвенных горизонтов, условия увлажнения).

Последняя группа признаков позволяет использовать морфологическое сходство натуральных выделов фаций и урочищ с геосистемами зонального ряда и корректировать схемы ландшафтной дифференциации с учетом зональной принадлежности всех геосистем, вовлеченных в языковую номинацию. Например, староосвоенные плакоры в зоне хвойно-широколиственных лесов Владимирской области –

опольщина, опольная местность (СРНГ) – по плодородию почв приближаются к геосистемам лесостепи. Пойменные луга в окрестностях Холмогор, отнесенные на мелкомасштабной карте к северной тайге, имеют среднетаежный облик, что фиксирует холмогорский ландшафтно-ресурсный термин *мурок* ‘луговая местность, сочная густая трава’ (Грандильевский, 1907). Представления об интразональности пойм, получившие распространение в работах культурно-географической направленности (Иванов, 2004) – следствие использования мелкомасштабных схем физико-географического районирования, создаваемых на основе зональной принадлежности плакорных геосистем. Ландшафт, как геосистема, не делимая ни по зональным, ни по азональным признакам, остается за пределами «народной» географии. Среди геосистем регионального ранга исключения составляют физико-географические округа котловин, ландшафты подгорных шлейфов и днищ впадин с морфологически выраженными границами, воспринимаемые как территориальные целостности.

Природная зональность не стала компонентом современной культуры, что объясняется глубокой трансформацией городских и пригородных геосистем и низким уровнем географических знаний. Опросы студентов негеографических специальностей Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина и Вологодского государственного педагогического университета показали, что около 50% информантов затрудняются в определении зональной принадлежности территорий своих городов. В речи горожан *тундра* и *тайга* упоминаются в качестве насмешливого и неодобрительного названия жителей российской глубинки: *тундра* ‘о провинциале, малоразвитом человеке невысокой культуры; о том, кто обнаруживает какое-либо незнание, неосведомленность в чем-либо общеизвестном’: «*Понаехала в Москву всякая тундра, проходу от чужаков нет*» (БСР), с. 622).

О зрительном восприятии зональных особенностей природы свидетельствуют фототеки «Google Earth» и «Яндекс. Карты». Многочисленны пейзажные фотографии, содержащие зональную и региональную привязку («Тайга», «Степь», «Степи Бурятии»), средне- и крупноплановые изображения компонентов природы: экзогенного рельефа, растений, ягодников, некоторых видов животных.

Системы расселения. Состав народной терминологии отражает представления носителей языка о размещении постоянных и временных поселений разного типа и взаимосвязях между ними, речной, орографической и транспортной сетью. Основным объектом языковой номинации являются элементы локальных систем, привязанные к месту жительства носителя языка и радиусу, связывающему деревню и ближайший город. Наибольший объем в региональных терминосистемах занимает типология малых поселений, что согласуется с универсальным гиперболическим ранговым распределением (закон Дж. Ципфа). Повсеместно отмечены названия удаленной селитьбы, появляющейся на начальном этапе заселения таежной или степной территории (*заимка, хутор, починок, становьё, становище*). Выразительная метафора *к небу дыра* ‘захолустье, населенный пункт в глухом лесу’, зафиксированная в Вологодской области (СВГ) и на Алтае (г. Артёмовск, информация Е. И. Альковой). Расширение площадей селитьбы отражают названия отделившихся частей селений, нередко переходящие в ойконимы (*Выползово, Приселок, Рассоха*). С периферией сельскохозяйственного землепользования связаны *избушки, станки* на удаленных пашнях, сенокосах, пастбищах, с промысловыми угодьями – зимовья и стоянки

охотников и рыбаков разной степени обустроенности, связанные охотничьими тропами – *путьками*.

Поселениям следующего уровня соответствовали административные и приходские центры – *посады, погосты, слободы*. Ядром сельской округи (*волости*) являлось *село* – деревня с церковью, название которой зачастую соответствовало храмоименованию. Исследование христианской топонимии Вологодской области показало, что узлы локальных систем расселения маркируют Господские и Никольские храмы и соответствующие ойконимы, периферию – Богородичные (Покровские) и Ильинские (Соколова, 2007). *Слободой*, согласно словарю В. И. Даля, в конце XIX в. называли большое село, где более одной церкви и торг или ярмарка, либо волостное правление, род сельской столицы (подчеркнуто мною – А. С.); также промышленное, фабричное село, где крестьяне почти не пашут. При кустовой системе расселения, характерной для Русского Севера, кусты деревень воспринимались как территориальные целостности, жители имели общее название и прозвище, например, *матигора, курострова* – жители Матигорского и Куростровского селений Холмогорского уезда (Архангельская губ.), *шалга мохногая* – жители куста деревень Шалга Бодуново (Вологодская обл.) (СВГ).

С *городом* у сельских жителей ассоциировался губернский или уездный центр. На Русском Севере эту роль выполняли Архангельск, на который замыкалась система расселения, сформировавшаяся по Северной Двине, а также Вологда, Шенкурск. Жители Бежецкого уезда называли *городом* Бежецк, а Тверь *губернией* (СРНГ). В Курской губернии городом считался Курск: «Он в город [Курск] уехал али в Москву» (СРНГ, 7, с. 56). В Сибири роль города выполняли центры систем расселения разного ранга (Барнаул, Среднеколымск и др.). В говорах донских казаков станицы, расположенные в пределах г. Новочеркасска, назывались *городскими*.

Городское поселение воспринималось как обжитое многолюдное, *натоптанное место*: «А в Благовещенске натоптанное место, там мошки нет» (СРГП, с. 154). Относительно города выстраивалась система пригородных селений, расстояние до которых определялось в единицах времени (не более одного дня пути). В. И. Даль приводит словосочетание *подмосковня (подмосковная) деревня* ‘именье, дача под Москвою, вблизи, на день и меньше переезда’. В пригород Москвы входили *подмосковские* Воробьевы горы (СРНГ).

Фиксируется в народной терминологии и ойконимии приуроченность поселений и локальных систем расселения к побережьям озер и морей, долинам крупных и средних рек, почтовым трактам, что позволяет говорить о проявлении в народной терминологии таких понятий как *опорный каркас расселения* (Лапша, 1987). Общекультурными являются понятия «дом у дороги», «дом вдали от дорог», например, *крестовка* ‘зимовье, стоящее на развилке дорог’ (СРГЗ). Положение селения относительно крупных коммуникаций характеризует в псковских и тверских говорах словосочетание *подзорная деревня* – «с большой дорога видна» (СД). В Забайкалье отмечены слова *обселок* ‘село, расположенное вдалеке от тракта, захолустное село’ и *нарагон* ‘зимовье, избушка, стоящая в стороне от дороги’ (СРГЗ). По положению относительно водоема выделяются линейные системы расселения: *бережчина* – се-

ления на северо-восточном побережье Чудского озера»; *берег* – линейная группировка селений рыбаков-поморов, протянувшаяся на 30 км вдоль побережья Белого моря (СРНГ). Использование метонимии связывает реку и почтовый тракт: *фар-в́атер* ‘главная дорога’ (СРГКСТ). Расстояние между поселениями определялось на Русском Севере *плёсами*, что закономерно в условиях приречного расселения, а на Урале и в Сибири – *станками* (второе значение слова – ‘почтовая станция’). Соответственно *пустоплесье* в вологодских и забайкальских говорах – ‘обширное незаселенное пространство’ (СВГ, СРГЗ).

С приречным расселением связаны катойконимы и коллективные прозвища *верховские, низовские, устьяна*, с приозерным – *морса́ки* ‘старожилы прибрежных сел Байкала’, *култучане* ‘живущие на берегу залива’ (СРГЗ). Негативное отношение к людям и местностям, удаленным от главных коммуникаций, фиксирует записанное на Колыме словосочетание *зёрный человек* ‘живущий далеко от берега реки’, в переносном значении нецивилизованный, некультурный (СРНГ) и забайкальское *орорó* ‘о крестьянине из глухой деревне’ (СРГЗ). В лесных местностях мало информированными считали приехавших из безлесных краев: «*Она родом из ополья: не знает названья ни дерева, ни гриба*» (СРНГ, 23, с. 278). Жители старожильческих сел, расположенных на крупных реках, напротив, ценились как сведущие люди: «*Оне, аргунки [переселенцы с Аргуни] много знают*» (СРГП, с. 14).

Города и крупные коммуникации были первыми вовлечены в процесс визуализации геопространства с помощью геосервисов (рис. 7). Стыки административных границ – «донные точки» региональных систем расселения обычно оставались «информационными пустынями» (см. рис. 2). Наличие природных и историко-культурных достопримечательностей и других аттракций способствовало реальному и информационному освоению. В Новгородской области к объектам подобного рода относятся удаленные пустыни – Рдейский и Реконьский монастыри.

Рис. 7. Новгородская область в фототеке Google Earth – Panoramio (геоизображения масштаба 1:600 000 – 1:150 000, данные за 2010 г.)

Морфология и структура сельского поселения детально отражены в диалектной и топонимической лексике. Языковые данные фиксируют особенности планировки селения, заданные пластикой рельефа и рисунком речной и эрозионной

сети. Информационными доминантами становились *назречные* улицы и дома *глазами* [окнами] *на реку* (СРНГ). В число объектов, вовлеченных в языковую номинацию, входили места торговли (*торг, базар, рынок, лавка, магазин*). Центр поселения воплощала центральная улица (*порядок*), место, где больше всего домов' (*большеви́к*). В поселениях с церковью обозначалась прилегающая территория (*погост, посад* в говорах Русского Севера). Севернорусский термин *буево* обозначал в Шенкурском уезде площадь у церкви, где в праздники устраивается базар, в Псковской губернии – 'место, обычно возвышенное, где стоит или ранее стояла церковь; площадь' (СРНГ). На территории селения выделены возвышенные, открытые места, вершины холмов, обозначенные словом *буй*: «*Ветряная мельница, выстроенная на бую*» (СРНГ). Возможность расширения центра села отмечена в иллюстрации к слову *подмыз* 'место, которое начинает застраиваться домами': «*Скоро подмыз центром села станет*» (СРНГЗ, с. 308). Крайнюю селения – *покрайное место* (СРНГЗ) маркировали названия отдаленных переулков, дворов, огородов и хозяйственных построек: *муской* 'самый дальний переулок в деревне' «*По мускому свернешь и прямо на реку выйдешь*»; «*Раньше там лес был, а теперь муской проходит*» (СРНГЗ, с. 215). Отмеченное В. В. Штейнсом (1983) и В. Н. Калуцковым (1998) смещение селитбы относительно реки или других ориентиров иллюстрирует материал словарной статьи *мусянка* 'болото': «*Деревня ранее у горы стояла, потом кто-то её в мусянку затанул*» (СРНГЗ, с. 215).

В наиболее простой схеме профанный (деловой, торговый) и сакральный центры селения совпадали или были территориально близки. Церковное здание, купол храма, колокольня, часовня обозначены во всех говорах, нередко они вовлекались в систему языческой мифологии. В Новгородской губернии до начала XX в. сохранялись суеверные представления о *колокольном мане* – нечистом духе, обитающем на колокольне (СРНГ). Границу жилого пространства маркировала *вакута* – 'дорога или тропа из селения на кладбище' (архангельские говоры) (СД).

Сопоставление объектов селитбы, вовлеченных в процесс языковой номинации и визуализации с помощью современных технологий, свидетельствует о сходстве восприятия центра и границ села, присельных угодий (рис. 8).

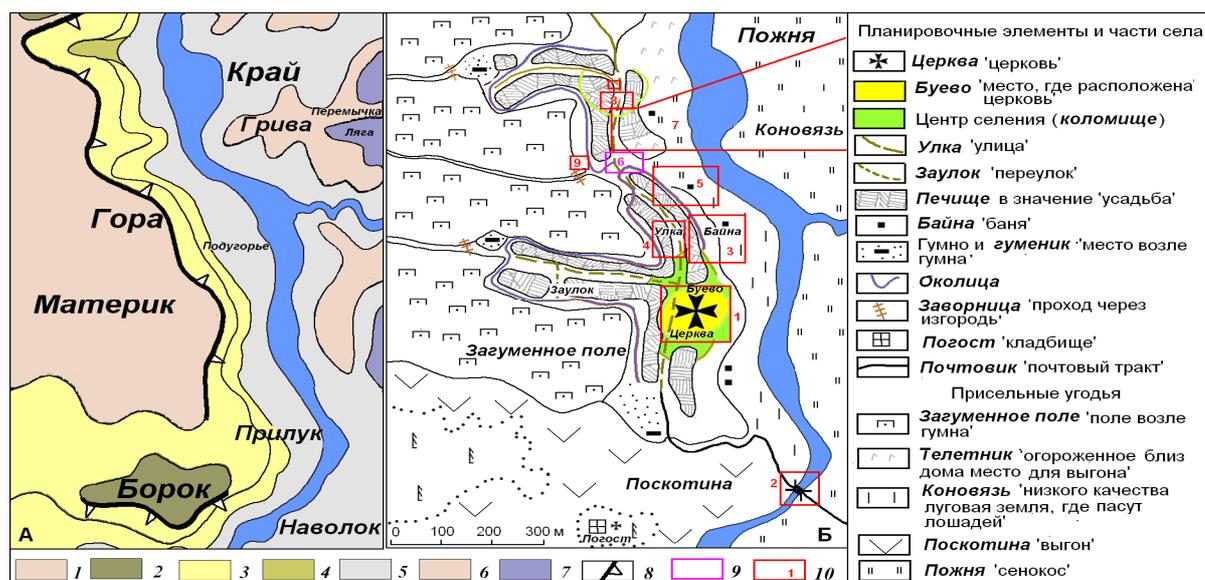

Рис. 8. Морфология селитбы и прилегающей территории: село Заостровье, долина Северной Двины (по материалам СРНГ, СХГ и Ю. С. Ушакову, 1982). Типы местоположе-

ний: 1 – хорошо дренированная придолинная часть водораздельной равнины; 2 – эрозионные останцы с боровыми сосняками; 3 – склоны долины; 4 – ложковое расчленение склонов: лог, разделяющий поселение; 5 – центральная пойма; 6 – прирусловые валы; 7 – старичные понижения; 8 – бровка уступа. Объекты и территории, охваченные фотофиксацией (по данным Google Earth – Panoramio, 2012 г.): 9 – фотографии без подписи; 10 – креолизованные тексты: 1. «Церкви и колокольня». 2. «Казенный мост» через Ньюму. 3. «Луг». 4. «Деревня Яковлевская». 5. «Весна» (половодье). 6. Лог. 7. «Луга у села Заостровье». 8. «Село Заостровье (деревня Терентьевская)». 9. «Мой домик в деревне»

Сопряжение оро-, гидро- и транспортных сетей, ландшафтного каркаса и сети освоенных мест находит отражение в «аккордных» терминах, служащих наглядным проявлением свойства эмерджентности терминосистем народной географии: *тáй-бола* – ‘обширное лесное пространство с проложенной через него дорогой; водораздел, волок’ (СРНГ); *тúрка* – ‘устье реки, пригодное для освоения’ (СРГЗ).

Город и пригород. Восприятие городских и сельских поселений, отраженное в разговорной лексике, микротопонимии и фотоснимках, имеет определенное сходство. Названия городских территорий и сооружений фиксируют мезорельеф, строение поймы и долины реки, выделение заречных и островных частей, территорий, примыкающих к шоссе и железной дороге – «пойм железнодорожных рек» по образному выражению архитекторов А. Э. Гутнова и В. Л. Глазычева (1990). Многочисленны анатомические, бытовые, геометрические метафоры (*рука, кишка, зуб, каблук, сапог, гривенник, пятак; бублик, ватрушка* и др.). Анализ микротопонимии Ленинграда, собранной В. Ф. Лурье, показал доминирование названий с апеллятивом *круг* (10 объектов), *угол* и *пентагон* (6), *квадрат* (4), *треугольник* (2). Многочисленны названия линейных объектов (аллеи, ограды) и сложных по плановым очертаниями и абрису сооружений (*шайба, полуциркуль, карандаш, стамеска, чайник, горшок*). Целостно воспринимаемые городские территории определены с помощью «сельской» лексики (*поселки, поля*).

Подобно сельскому поселению, Ленинград – Санкт-Петербург делится на парадные и «задние» части. Новым является обособление мест проживания элиты, промышленных зон, спальных районов. Общая схема, выстраиваемая на основании микротопонимической информации, близка к концентрической модели городского пространства, составленной Э. В. Берджессом (E. W. Burgess, 1926) (рис. 9). Первые три концентрика сформировались в досоветскую эпоху, четвертый – в советское время. Современный период характеризует строительство жилья в пригородной зоне, ранее использовавшейся преимущественно для рекреации.

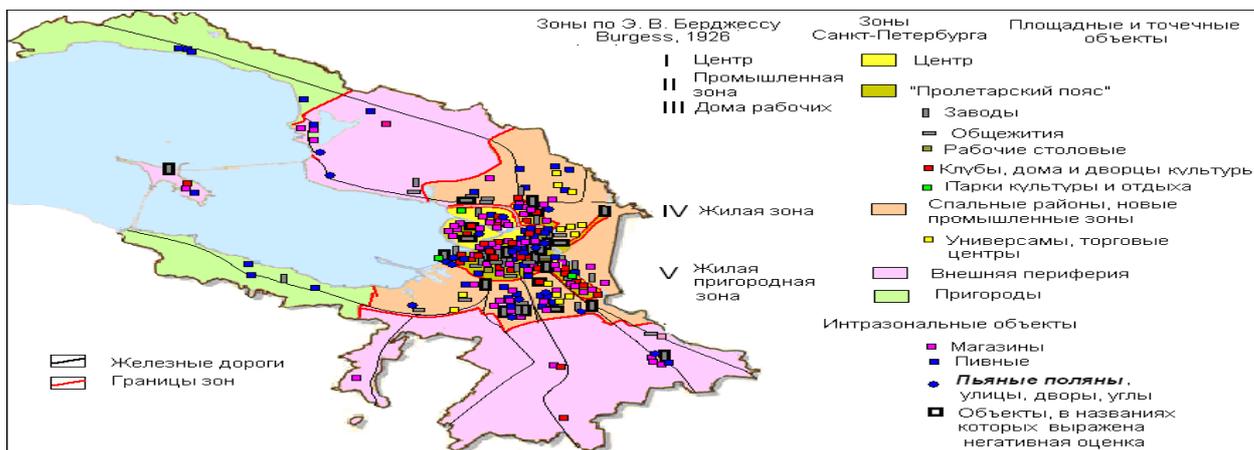

Рис. 9. Ленинград – промышленный центр в микротопонимии советского периода. (по материалам В. Ф. Лурье. Микротопонимика Ленинграда – Питера: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/L_AM/microtop.html)

Главы IV – VI посвящены анализу географической информации, формирующейся в ходе становления, функционирования и деструкции геопространственных систем, связанных с материальным производством и непроизводственной сферой, рекреацией, туризмом. Структуру данного раздела диссертации определяет концепция трех секторов экономики. Открывает раздел четвертая глава **«Отрасли аграрно-промышленного сектора в народной географической терминологии и представлениях горожан»**, в которой в информационно-географическом аспекте рассмотрены сельское и охотничье-промышленное хозяйство.

С первичным сектором экономики связана практически вся народная терминология физической и экономической географии. В региональные системы экономико-географической лексики входит метеорологическая и климатическая терминология, обобщающая многолетние наблюдения за годовыми ритмами природы: **водное лето, дождливый, наводной год**: «При таком наводном годе рыба не ловилась»; «Лет десять назад так наводно было, что без сена остались» (СРГЗ, с. 221). Основаниями для систематизации языкового материала служат следующие признаки: 1) морфология (относительные размеры, конфигурация контура); 2) локализация в системе каркасных структур; 3) свойства, определяющие продуктивность и условия эксплуатации (микро- и нанорельеф, механический состав почв, условия увлажнения). По мере совершенствования системы землепользования появлялись названия пашен, удобренных опадом листовых пород, навозом или смытыми гумусированными отложениями (метод землевания), обозначения мелиорированных угодий со снятыми кочками, поливных пашен и пастбищ. Разделение труда отражено в противопоставлении земледельцев-**сёвщиков** (СРНГ) скотоводам и охотникам-промысловикам. С занятием скотоводством связаны лексемы **пастушничать** (отсюда – **пастушной скот**), **жить в скотинку** (р. Урал), **скотоводство водить** (Забайкалье). Жители территорий с комплексным хозяйством выделяли себя из общей массы крестьян: «Мы хлебопосевцы и скотоводцы, у каждого жителя сабанчики [шлуги] железны» (р. Урал) (СРНГ, 36, с 11).

Земледелие. Народная терминология полевых культур и угодий наглядно отражает направление крестьянской колонизации территории России. Европейско-сибирский ареал имеют названия полей, засеваемых рожью, овсом, гречихой (**ржище, пшенице, овсище, гречанье**) и другими культурами. Вне зоны возделывания отмечена только вспомогательная лексика, связанная с использованием продукции. Ключевое место занимает морфологическая классификация почв, близкая по составу понятий к классификациям, бытовавшим до появления генетического подхода (см. Жекулин, 1972; Соколова, 2007). Пригодными русские крестьяне считали почвы легкого механического состава (**пухтунистые, мякинистые**) с темным гумусовым горизонтом («песок с черноземом»); малопригодными – песчаные подзолы (**суходоны**), глинистые (**ломтистые**); непригодными – тяжелосуглинистые каменистые (**посóха**) (НОС, СРГЗ). Эти признаки используются носителями традиционных культур повсеместно, что подтверждает сопоставление материалов русской диалектной

лексикографии с результатами аналогичных исследований африканских культур (см. Duvall, 2010).

В пределах хозяйственных единиц земли различались по мезо- и микрорельефу и по условиям увлажнения: *сковородка* ‘поле на возвышенности’ (НОС), *лог* ‘низменная часть пашни, затопляемая иногда водой и заносимая илом’, *сушина* ‘пересохший участок пашни’ (СРГЗ). Опозиция «суходол – пойма» наглядно представлена в иллюстрации: «*Одному земли доставались на погоре [пологом склоне горы], другого наделяли в долине*» (СРГЗ, с.304). Временной фактор учитывался при обозначении стадий подсеки, зарастания и задернения залежей. Рост пахотных площадей способствовал дифференциации земель по размерам и положению относительно поселения, основного массива угодий, лесных пространств (рис. 10).

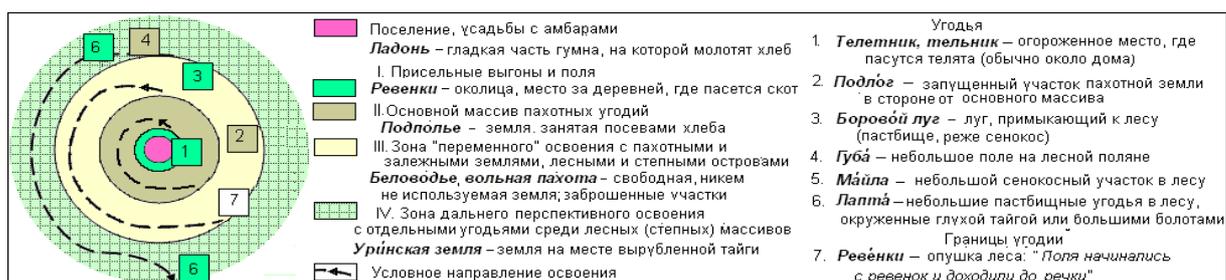

Рис. 10. Развертывание системы пахотных и кормовых угодий (по материалам СРГЗ)

Животноводство. Разведение крупного и мелкого рогатого скота способствовало формированию сложных терминосистем, адаптированных к зонально-региональным и местным условиям. Они включают следующие блоки: 1) названия сельскохозяйственных животных (порода, внешний облик, продуктивность, поло-возрастные особенности); 2) терминология кормовых угодий; лексика сенокосения, пастбищного и стойлового содержания скота; 3) названия скотопрогонных дорог и дворов на путях перегона; 4) вспомогательная лексика, описывающая усадебные постройки, изгороди, стога разного размера и формы и др. Контакты русских крестьян с коренным населением Сибири способствовали заимствованию приемов ведения хозяйства и обогащению терминологии заимствованной лексикой.

Терминология природных кормовых угодий аккумулирует большой объем отраслевой физико-географической и ландшафтной лексики. Близка к традиционным представлениям концепция ресурсно-хозяйственной системы, в которой «вертикальные» связи носят индикационный характер (растения как индикаторы плодородия почв и продуктивности растительного покрова), а «горизонтальные» связи обусловлены характером использования, сообразным с особенностями теплового и водного режима. В качестве таких систем воспринимались натурные выделы фаций, урочища пойм и днищ впадин: *подувалье* ‘долина между гор’: «*На лето скот выгоняли в подувалье. Там и ветерок, и вода ... просто рай для скота*» (СРГЗ, с. 312). Широкий спектр используемого сырья способствовал появлению названий злаков, разнотравья, осок, озерных макрофитов (*ходра* ‘трава, которую косят по льду’) и агроценозов. Европейско-сибирский ареал имеет термин *кукольник* – клевер на Русском Севере (СРНГ), луговое и степное разнотравье в Забайкалье (СРГЗ).

Классификация кормовых угодий построена на делении лугов на суходольные

(*суходб́лье, суходб́нка*) и пойменные (*на́волок, по́жня* на Русском Севере и в Сибири, *лева́да* в черноземных областях Европейской России) (СРНГ). Информационной доминантой в системе землепользования выступают пойменные угодья, многоуровневая терминология которых фиксирует единичные признаки и их сочетания, например, форму контура, заданную рисунком гидросети: *рукав* ‘сенокосный участок, расположенный между протоками или в излучине реки’ (СРГЗ) или связь микрорельефа, условий увлажнения и продуктивности в засушливые и влажные годы: *рукавица* ‘небольшая ложбина на сенокосном участке’ (СРГЗ).

Морфологическое сходство долинных геосистем способствовало распространению в районах поздней колонизации севернорусской типологии сенокосов, отражающей гипсометрические уровни поймы: *ворга, согра* – низинное болото (осоковое, кочкарно-осоковое); *калтус* – пойменный переувлажненный луг (вейниково-осоковый, полевичный); *пожня, едма, рёлка* – разнотравно-злаковый и крупнозлаковый луг с примесью бобовых средних и высоких уровней поймы, мелких террасовых останцов, обычное место стогования сена (СРГЗ).

Пространственная дифференциация кормовых угодий близка делению пашен на ближние и дальние (рис. 7). Временной фактор ярко проявляется в степных регионах, где сложилось деление пастбищ на летние и зимние: *лето́вка* ‘летняя пастьба; летнее пастбище’, *уту́г* ‘зимняя пастьба’ (СРГЗ). С отгонным животноводством связан термин *зажиро́вка* ‘нагул жиром скота на хороших пастбищах’: «У нас зажировку начинают с августа, для зажировки перегоняют скот в горы» (СРГЗ, с. 120). В терминологию пастбищ и сенокосов органично встроена фенологическая фазы травянистой растительности: *про́чки* ‘первая появившаяся трава весной’ (*прочкнуться* ‘давать всходы (о растении)’, в переносном значении – ‘проснуться’): «Как прочики появятся, так считай скот перезимовал»; «Козам и прочики ладно, а вот коровы на прочиках не поправятся» (СРГЗ, с. 339). Территориальное разделение труда в рамках локальных систем расселения раскрывают народные экономико-географические термины: *маслату́ха* ‘женщина, берущая чужих коров для временного содержания и доения’: «Летом у нас кормов мало, выгона почти нет и мы отдаем коров маслатухе... осенью она пригонит коров хозяевам и по договоренности масла привозит полтора-два пуда» (СРГЗ, с. 198).

Охотничий и рыболовный промысел. В условиях комплексного хозяйства осваивались ресурсы коренных геосистем тайги, степи, тундры, что вело к формированию народных классификаций промысловой фауны, дикоросов, терминологии промысловых мест. Терминология промысловой фауны сложнее и детальнее зоологической. Эта специфика информационного освоения ресурсов характерна для всех традиционных обществ, она описана Леви-Брюлем и другими антропологами, работавшими в разных регионах мира. Промысловые звери, например, определялись на уровне вида и по существенным для охотника признакам (место обитания, пол, возраст, размер, особенности поведения, сезонная окраска и качество меха). Формировалось общее понятие *зверь* в значении ‘крупное дикое животное (лось, изюбрь, медведь, волк)’ (Приуралье, Черноземный центр, Прибайкалье и Забайкалье, Приамурье). Поморы делили животных на *горных*, обитающих на суше, и морских. К последним относились *зверь юровой* ‘морские звери, живущие юром (стадом)’ и *зверь с крылом* – гренландский тюлень с темно-бурым пятном («крылом» у плеча

(СД). Освоение Сибири в рамках русской культуры вело к расширению ареала терминологии северного оленя, песца (*важенка, крестовик*), которые приобрели трансевразийский ареал. Специализация хозяйства отдельных регионов нашла отражение в названиях промыслов и промысловиков, имеющих зональную или региональную приуроченность: *белковья* ‘охота на белку’, *соболить, соболятничать* ‘охотиться на соболя’, *соболятник* ‘охотник’, *нерповщик* ‘охотник на нерп’ (Прибайкалье), *сайгачник* ‘охотник на сайгаков’ (р. Урал) (СРНГ).

Добытки рыбы и морского зверя различались по местам лова: *ангарщина* ‘рабочие на крупных промыслах, предприятиях’ (Байкал); специализации: *конёвик* ‘член рыболовецкой артели, работающий при подледном лове рыбы на лошади’ (Северо-Запад); *солельный мастер, икорный солельщик* ‘работник, занимающийся солением (рыбы, икры)’ (Поволжье, Кубань, р. Урал), *посольщик* (Забайкалье): «В разделе было всего три чищалки [раздельщика рыбы], да один посольщик» (СРГЗ, с. 346). На северо-востоке Сибири в долине Индигирки использовались исторические приемы хранения добычи: *литая рыба* ‘выловленная осенью рыба, которую хранят в ямах’ (СРНГ). Становление капиталистических производственных отношений отражено в делении работников на *вольных* и *кабальных*. Крупных рыбопромышленников называли на Байкале *бакланья* (СРГЗ).

Территориальная структура промысла отражена в названиях рыбачьих станов и помещений, где производят обработку рыбы (*рыбня, рыбодел, солянка, разделка* и др.), охотничьих участков с тропами и зимовьями (*ухожья, путики*) и центров снабжения, промысловой инфраструктуры: *магазья* ‘база, куда собирались охотники после промыслового сезона’: «Магазья наша была верстах триста от речки, где мы соболятничали» (Северное Забайкалье) (СРГЗ, с. 191). В псковских говорах отмечено словосочетание *суходольные рыбаки* – о приходящих на озеро жителей деревень, расположенных от него верстах в 15–20 (СРНГ). Языковые данные служат косвенным доказательством значения промысла в хозяйстве региона: «По всему берегу (Байкала – А. С.) хальные [занимающие большое пространство] невода стоят» (СРГЗ, с. 437).

Лесной промысел. Терминология лесных ресурсов практически полностью построена на признаках, используемых в современном лесоустройстве. Учитываются ландшафтно-топографическая ситуация (рельеф, литология, крутизна склонов, условия увлажнения, близость к реке, дороге, поселению); облик древостоя (породный состав, возраст, сомкнутость, высота, форма ствола и кроны), использование (строевой, дровяной, годный для выгонки дегтя, изготовления дранки, саней, лодок, идущий на лучину, различные поделки): *лучинник* ‘сосновый и еловый лес, идущий на изготовление лучины’, *кольник* ‘мелкий лес, пригодный только для заготовки колев’ (СРНГ), *жировой лес*: «Если лес не жировой, то смолокурню нечо строить» (СРГЗ, с. 113). Состав терминов свидетельствует о полной переработке всего древесного сырья, включая пни, наросты на коре, мелкие корни, идущие на изготовление посуды, поделки и проч. В неурожайные годы в Забайкалье в пищу использовалась гнилая березовая сердцевина – *шулота* (СРГЗ). Новые реалии способствовали появлению соответствующих терминов: *телеграфник* ‘лес, идущий на теле-

графные столбы' (СРНГ.). Лесосеки различались по площади, местоположению, стадии зарастания. Иллюстрации свидетельствуют о высокой оценке вырубок как ягодников: «*На оборке [вырубке] ягода растет хорошо*» (СРГЗ, с. 253).

Отдельная группа лексики описывает трелевку и транспортировку древесины по дорогам и рекам (сплав в плотах, молевой сплав). Блок включает названия элементов рельефа, способствующих или препятствующих транспортировке: **поклон** 'место, где начинается крутой спуск с горы': «*Весь лес свозили к поклону. Когда снег выпал, его скатили от поклона до самой речки вниз*» (СРГЗ, с. 314).

Территориальная структура аграрно-промышленного сектора в культурах традиционного типа. Элементарной производственно-расселенческой системой выступает поселение с угодьями и промышленными местами. В исторической географии она известна как *деревня* – поселение с прилегающими пашнями и лугами (Любавский, 1909), система «поселение – окрестность» (Раман, Штейнс, 1980; Скупина, 1982; Штейнс, 1983), в культурной географии и этнокультурном ландшафтоведении как культурный (этнокультурный) ландшафт (Калуцков, 1998, Колбовский, 2006). В «народной» географии этим понятиям соответствуют народные термины *юрт* (Южная Россия) и *печище* (Русский Север). Спектр значений последнего охватывает практически все стадии функционирования и деструкции поселения (гнезда поселений) вместе с хозяйственной зоной, в том числе: 'место, где находится дом с хозяйственными постройками, садом и огородом; усадьба'; 'деревня || одна или несколько деревень, объединенных общим земельным владением'; 'земельный надел, принадлежащий деревне'; 'сельская община'; 'отдаленная от других селений деревня; отдаленный поселок'; 'место, где когда-то было жилье, деревня'; 'остатки, развалины жилой постройки' (СРНГ).

Печище развивается как структура «центрального типа», состоящая из нескольких концентрических зон. Типичное явление для таежных регионов Европейской России и Приуралья – обособление зон полей, сенокосов, лесных и промышленных угодий (*путиков*) практически по И. Тюнену и Б. Б. Родоману. Концентры в свою очередь членятся на субконцентры. Поля делятся на ближние (*домашние, удворные, загуменные*); срединные; дальние *на отставке* (на лесных опушках полянах) (см. рис. 7). Сенокосы на Русском Севере, согласно записям В. С. Гомилевского (1878), делились на *заполоски*, расположенные за участками постоянных пашен на возвышенных местах (давали сладкое сено, выкашивались два раза в год), *делянки*, находящиеся по речкам, ручьям, оврагам, озерам той системы реки, что и селение', *пожни* – преимущественно расчищенные сенокосы в 30, 50 и более верстах от селения, нередко в бассейне другой реки.

Для лесостепных регионов Сибири и Забайкалья была характерна «инверсионная» структура хозяйственной зоны (Соколова, 2012). К селению примыкала *поскóтина* – огороженный выгон, занимавший днища котловин и подгорные шлейфы с почвами тяжелого механического состава, а пашни располагались выше по склонам низкогорий. Распашка выгона способствовала появлению нового значения у слова *поскóтина* – 'огороженный земельный участок за деревней, где сеют хлеб, косят сено и куда не пускают скот' (СРГЗ). С новой схемой землепользования связан термин *подпóлье* 'земля, занятая посевами хлеба, поля': «*Около деревни тянулось подполье, а дальше шли сенокосы и тайга*» (СРГЗ, с. 310). Лесные массивы в свою

очередь делились на *ближнюю тайгу* – ‘участок таежного леса недалеко от населенного пункта, куда ездят за дровами, ходят за грибами, ягодами’ и *дальнюю (большую) тайгу*, доступную только охотнику (СРНГ). Контрастный переход от освоенных к коренным геосистемам воплощен в севернорусско-сибирском термине *шалгам* ‘дремучий лес, близко подходящий к населенному пункту’ (СРГЗ).

В современной культуре сельского населения сохраняются элементы традиционного хозяйства и связанная с ним терминология и топонимия. Микротопонимический материал содержат карты землеустройства сельскохозяйственных предприятий, дневники бригадиров (см. Калущков, 1998). Названия участков совхоза Шушары, согласно карте 1980-х гг., фиксировали информацию об исчезнувших деревнях (*Толмачи*), разобранной железной дороге, проложенной к резиденции Николая II в Царском Селе (*За Царской Веткой*), фабрике теплоизоляционных плит, изготавливавшихся на основе торфа (*Изоплит*). Процессы деструкции языковой системы связаны с изменениями землепользования. В поречье Сухоны частично утрачены названия пойменных угодий, заброшенных после создания культурных пастбищ и сенокосов в придолинных частях водораздельных равнин.

В городской культуре советского периода сформировалась *дачная субкультура*, в которую благодаря зарубежным киносериалам и текстам СМИ вошли слова *fazenda, ранчо* и др. Оппозиция сельский житель – *дачник* (в ксенономинии *короед*) зафиксирована во многих говорах. В Псковской обл. (1957 г.) отмечено слово *бурлак* ‘приезжий из города, дачник’, в других значениях – ‘старовер’, ‘холостяк, любящий погулять; изначально *бурлачить* – ‘заниматься отхожим промыслом’ (СРНГ). Речь дачников содержит народные термины, вошедшие в общелитературный язык: *дёрн, подзол, подзолистая почва*. Слово *чернозём* используется для обозначения почвогрунтов и любых плодородных почв темного цвета. Несмотря на вхождение в систему учебной географии, генетическая классификация почв осталась достоянием научного знания. В публикациях на «дачную тему» почвы различаются по механическому составу, а содержание основных питательных веществ (азот, фосфор, калий) устанавливается с помощью растений-индикаторов.

Индустриальный советский город восстанавливал связь с сельскохозяйственным окружением во время уборки урожая, что наглядно иллюстрируют карты совхозных полей, закрепленных за конкретными предприятиями и организациями. Например, в 1980-е гг. в совхозе «Шушары» шефская помощь распространялась на 560 га из 3,4 тыс. га совхозных земель, сосредоточенных в радиусе пяти километров от центральной усадьбы. Участие в прополке и сборе урожая овощей и кормовых корнеплодов принимали рабочие и служащие более 30 организаций Ленинграда, в число которых входили промышленные предприятия, НПО, НИИ, в том числе фабрика «Красное Знамя» с преимущественно женским составом работников, НПО «Ленинец», образовательные учреждения, предприятия сферы услуг (Дом мод); административные учреждения (Управление спортивных сооружений).

Нарушение общественного разделения труда между социокультурными общностями крестьян, рабочих, интеллигенции и служащих способствовало отрицательному отношению к шефской помощи, отождествляемой с «барщиной», «каторгой». Сельскохозяйственная лексика в речи *шефов* была немногочисленна и негативно окрашена: *брюква поганая, ботва проклятая, колхоз «Красный Лапоть»*

‘1. Об отстающем, отсталом колхозе. 2. О недобросовестном, примитивном и некачественно работающем предприятии. 3. Об отсталых, малограмотных, недобросовестно работающих людях’ (БСРП). В студенческой среде бытовали слова *картошка* ‘массовые работы по уборке картофеля и других овощей в государственных и коллективных сельскохозяйственных предприятиях, к которым привлекали горожан (часто студентов, городских школьников, солдат)’, *сельхозка* ‘добровольно-принудительные сельхозработы’. Информанты отмечают, что контакты между работниками совхозов и шефами сводились к указанию «фронта» работ: «*Поставят на грядку, которой конца края не видно*». Шефы-горожане в отличие от *своих (совхозников)* воспринимались как малопригодные к работе чужаки.

В постсоветский период об отношении горожан и сельских жителей к сельскохозяйственным землям можно судить по фотоизображениям полей, сенокосов, выгонов, подписи к которым нередко содержат посессивный компонент («Наше поле», «Родные поля»). Вместе с тем, виртуальные фототеки Google Earth – Panoramio изобилуют изображениями разрушающихся построек сельскохозяйственного назначения и другими свидетельствами запустевания деревни (см. рис. 3).

В пятой главе «**Горные промыслы и обрабатывающая промышленность в народной географической терминологии, речи горожан и микротопонимии**» рассмотрена информационно-географическая специфика вторичного сектора экономики на этапах мануфактурного и промышленного производства. Народная терминология горной и обрабатывающих отраслей сопоставима по объему с аграрной и промысловой (100-200 слов в региональных системах языка), но имеет более сложную структуру. Языковые данные свидетельствуют о специализации хозяйственной деятельности и разделении труда, о выделении слоя собственников. Лингвокомплексы помимо ресурсного, производственного и инфраструктурного блоков включают блок управления производством.

Горное дело и металлургия. В эпоху мануфактурного производства в горном деле использовались древесный уголь, энергия воды и гужевого транспорт. Соотношение занятых в основном и вспомогательных производствах составляло в начале XIX в. один к четырем: на 3 700 мастеров и рабочих приходилось 14 566 крестьян, занятых на рубке леса, углежжении, возке древесного угля и руды. (Зябловский, 1810). Комплексное освоение ресурсов Карелии, Урала, Алтая, Забайкалья способствовало созданию специализированных систем терминов, частично освоенных современной культурой (сказы П. П. Бажова и другие произведения). Историческая лексика производства кричного железа зафиксирована в XIX в. в курских говорах (*икрица* ‘сталь брусковая’), в костромских говорах (*дбмница* ‘кузнечный горн’). Терминология углежжения отмечена на территориях горных округов и районах лесного промысла (Центр, лесное Заволжье). *Чернотропами* – угольщиками называли жители Барнаула (СД).

Наиболее полное представление о терминологии горной промышленности дают уральские говоры (рис. 11). В составе лингвокомплекса выделены: 1) ресурсный блок: геологическая терминология (названия руд, минералов, форм залегания, вмещающих пород); терминология лесных ресурсов (лес строевой, крепежный, дровяной); 2) производственный блок: терминология добычи и первичного обогащения руд, угольного жжения, металлургии и металлообработки; 3) блок управления (внегеографическая по преимуществу лексика, описывающая организацию, техническое

обеспечение, контроль качества, учет, охрану порядка); 4) экономико-географический блок, содержащий термины, описывающие территориальную структуру (размещение предприятий, объектов инфраструктуры, границы дач и т. д.). В сказах Бажова отмечено изолированное расположение: «*На усторонье* [место в отдалении, на окраине, в стороне] *наш завод стоит*» (БЭ, с. 620), приведены названия трактов (*сысертская дорога*), термины, обозначающие границы заводских дач: *заводская грань* ‘линия, отделявшая территорию одного заводского округа от другого’ (БЭ). Компонентом лингвокомплекса являются термины, описывающие процессы деструкции территориально-производственной системы: *горновице* ‘развалины покинутого горна’ (СРНГ).

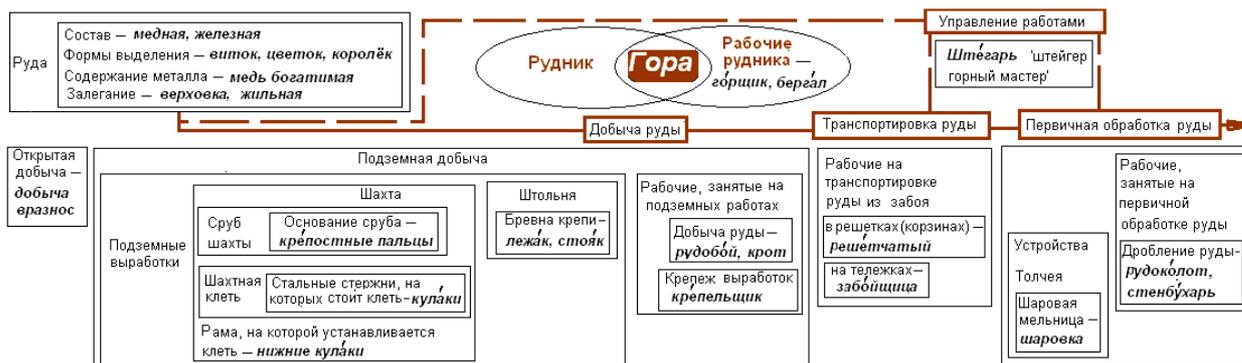

Рис. 11. Терминосистема «Добыча и первичная обработка руд»
(по материалам БЭ и СРНГ)

Территориальное и функциональное разделение труда нашло отражение в бинарных оппозициях, построенных на основе диалектной или русифицированной немецкой терминологии: *щегарь* ‘штейгер, горный мастер’ / *горщик, бергал* ‘горно-рабочий *бергайер*’; *рудобой* ‘рабочий, добывающий руду’ / *рудоколот, стенбухарь* ‘дробильщик камня (от *Steinbrecher*)’. Дополнительно существовало деление работников по возрасту и полу: *рудничная девка* ‘незамужняя женщина, работавшая то коногоном, то на сортировке руды’ (СРНГ). *Горщики* противопоставлялись фабричным (*мастеровщине*) и возчикам – *несчастному подряду* (БЭ), а все *заводские* – казакам и башкирам: «*Ордой заводские называют и Башкирию, и казачьи земли Оренбургской губернии*» (СРНГ, 23, с. 332). Проявлением свойства эмерджентности лингвокомплекса служит факт формирования двойных значений у слов, обозначающих место труда и работников, объединение человека и техники в *социотехнотопе* (по аналогии с хронотопом В. Н. Топорова): *горá* ‘1. Рудник, каменоломня вне зависимости от рельефа местности. 2. Рабочие рудника, каменоломни’; *кри́чна* ‘1. Кричный цех металлургического завода. 2. Рабочие цеха’ (БЭ).

Повседневно-бытовой подход к номинации элементов горного промысла проявлялся в использовании цветовых характеристик (чугун *белый, серый, черный*); в образовании терминов от названий бытовых реалий: *плотик* ‘рудообмывальный верстак’ (в другом значении – место на водоеме, где полоскают белье) (СРНГ) и анатомических метафор, особенно многочисленных в названиях информационных доминант. У кричного молота выделялся *хвост, нос, лоб (лобовой молот), затылок, долонную стойку* (от *долонь* ‘ладонь’), *пятку*, у домны – *глаз* или *летку*, в шахте – *пальцы* и *кулаки* (СРНГ, БЭ). С угольным жжением связана метафора *ребро* ‘вер-

хушка кучи угля, засыпанного в яму' (СРНГ). Имела место мифологизация всех этапов производства. В лексике углежжения, например, фигурировали мифические существа *пустодымка, живинка-паленушка, огневка* (СД). Особой связующей силой наделялся *кричный сок* – 'брызги *полуплавного железа* под кричным молотом, которые снова шли в переварку' (БЭ).

Территориальная структура горного промысла. Узлами производственно-расселенческой системы стали горнозаводские селения – *заводы*. Вокруг формировались зоны лесо- и сельскохозяйственного освоения, радиус которых значительно превышал радиус хозяйственной зоны деревни. Вместе с тем, существовал предел, обусловленный транспортной доступностью лесосек. Так в Нерчинском горном округе в 1790-е гг. *не вблизи лежащие* леса, удаленные от заводов на 150 и более верст, были выведены из заводских дач (рис. 11). Освоение лесных ресурсов способствовало формированию русскоязычной гидронимии. Согласно картосхеме дачи Нерчинского сереброплавящего завода 1780 г. (РГИА, ф. 485, оп. 5, д. 451, л. 1) в междуречье Урова и Аргуни 32 малых водотока из 38 носили русские названия. Гидронимы фиксировали геолого-геоморфологические и гидрологические особенности долин (*Широка, Топка, Грезная, Солонешина, Ключевая, Талица, Сухая*), сельскохозяйственное использование (*Сенная, Травянка*). Название *Жердовка*, встречающееся два раза, указывает на прежние рубки: *жердь* – 'жердевой лес' появляется на месте вырубок через 20 лет. Названия заводов за исключением Екатерининского и Александровского также произведены от гидронимов. По картам середины XVIII в. (РГИА, ф. 450, оп. 5, д. 1, л. 2; РГИА, ф. 485, оп. 5, д. 449, л. 1) автором установлено местонахождение так называемого «Иркинского железодельного завода на р. Ирке», сведения о котором считались утраченными (Любомиров, 1947; Кузин, 1961; Энциклопедия Забайкалья, т. 3, 2006). Вместе с тем, «Железо делаемой с ручными печками завод» показан на р. Аркие, притоке впадающей в Аргунь реки Камары (рис. 12). Он подписан как *Аиркинской* (или *Ииркинской*), очевидно, правильно *Аркинский*.

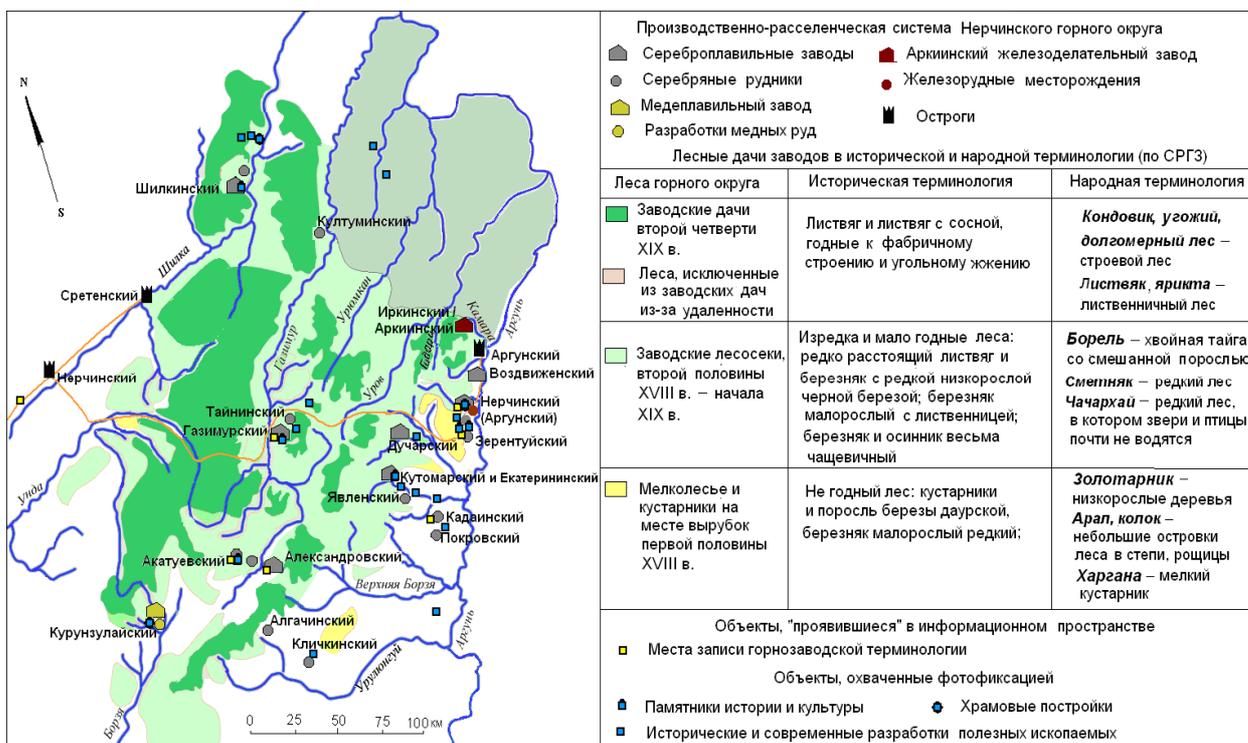

Рис. 12. Нерчинский горный округ в информационном пространстве (по материалам СРГЗ, Лесному словарю, 1843-1845, РГИА, ф. 450, оп. 5, д. 1, л. 2; РГИА, ф. 485, оп. 5. д. 449, л. 1)

В середине XX в. в говорах Забайкалья сохранились единичные термины горного дела: *орта* 'подземная работа на руднике', *ямб* 'слиток серебра', *серебрянка* 'обоз с серебром', *нагорный* 'человек, работавший в горной промышленности', *рудец* 'человек, умеющий находить руду' (СРГЗ). Полевые исследования автора свидетельствуют о нарастающем процессе размывания информации – от утраты сведений о местонахождении объектов до появления новых этимологий. Ойконимы со словом *завод* стали связывать с глаголом *заводить*: «*Каторжников на каторгу заводили, отсюда название «завод», там ведь в Александровском Заводе никаких заводов и нет*» (ст. Даурия, запись 1997 г.).

Золотой промысел, получивший в XIX в. распространение на Урале и в Южной Сибири, способствовал формированию лингвокомплекса, содержащего блоки географической, геологической и производственной терминологии. Отложения разделены по механическому составу, обводненности и залеганию (вскрыша, золотосный слой, плотик); описано строение шахт (*ям, дудок*) и устройств, применяемых для промывания породы (рис. 13). Большой объем занимает внегеографическая лексика, фиксирующая мелкие детали (осыпавшийся грунт, пустоты, валуны). Языковые данные свидетельствуют о желании работников обустроиться в шахте, сделать условия работы более домашними: *передёнка* 'полочка или скамейка на дне шахты около стенки ствола': «*На передёнке лежал табак и стояла бутылка молока*» (СРГЗ, с. 291). Эмерджентность языковой системы фиксирует экономико-географический термин *тайга* 'золотые прииски, расположенные в тайге' (СРНГ); 'местность, где расположены прииски' (СРГЗ).

Рис. 13. Лингвокомплекс «Золотой промысел» (по материалам СРГЗ)

Информационной доминантой выступает ворот шахты, обозначенный с той же степенью детальности, что и прялка, плуг и другие бытовые устройства. Связь крестьянского и приискового быта проявляется в многозначности слов *свѡра* ‘подпорка стены в забое золотоносной шахты, ямы || подпорка забора’, *пустозев* ‘шахта без золота, колодец без воды’, *мамыка* ‘1. Неудачливый золотоискатель. 2. Безлошадный крестьянин’ (СРГЗ). С крестьянином золотоискателя роднят мифологизация промысла, использование народного православного календаря и обрядов, связанных с началом и окончанием отдельных этапов работ: *расчина* ‘первая бадья с золотоносным песком, вынутая из новой шахты’: «*Расчину промывал сам артельщик*» (СРГЗ, с. 356). Умение находить руды и золотые россыпи объяснялось контактами с нечистой силой: *чертознай* ‘человек, который в пределах заводской дачи знает места залегания полезных ископаемых и в первую очередь золота’ (БЭ, с. 621). Срок найма определялся *поживками*. *Зимняя поживка* могла протекать с *Покрова* до *Егорья летнего* (6 мая), *летняя поживка* – с *Троицы* до *Покрова*.

Обрабатывающая промышленность в народной географии. Данный раздел представлен терминологией переработки сельскохозяйственной продукции, которая осуществлялась на территории поселения и в ближней зоне. Лингвокомплекс производства льняных тканей включал названия водоемов для вымочки льна и мест, где белили холсты. Ареалы распространения лексики производства гончарных изделий, тканей, головных уборов, валенок и т. д. привязаны к центрам развития соответствующих отраслей кустарной промышленности.

Узкий профессионализм отличал терминологию хлопчатобумажной промышленности, сконцентрированной в городах и фабрично-заводских селениях центральных губерний. Новые значения приобретала сельскохозяйственная лексика: приспособления для просушки бумаги на фабриках стали называть *вешалá*, изначально ‘жерди на козлах для развешивания и сушки сена, снопов сетей’ (СРНГ).

Переработка древесного сырья велась в селениях (изготовление саней, посуды и др.) и в лесных массивах. Заводы, «где поташ и смолчук делают», назывались в XVIII в. *будные майданы* (САР). На рубеже XX в. в говорах Центра, Урала и Приамурья *майдан* – ‘место, площадка для выгонки’, *майданик* в нижегородских говорах – ‘крестьянин, не имеющий земли и занимающийся изготовлением поташа, иногда смолы’ (СРНГ). По сложности структуры выделяется лингвокомплекс производства деревянной посуды, сформировавшийся в лесном Заволжье. Он включал: названия сырья и производственных помещений (*токаряня*, *красильня*, *лачилъня* – от *лáчить* (*жарить*) ‘покрывать лаком’); специальностей (*токарь*, *ложечник* и др.); названия торговых мест, том числе микропонимы (*Горянский ряд* в Астрахани).

Продукция делилась на *щепной товар* (бочки, лопаты, ведра) и *горящину*, к которой относили *круглую посуду* (чашки, блюда) и ложки разной формы (*касаемая, креповая, пальма*) (СРНГ, П. И. Мельников-Печерский).

Сложную структуру имела терминология мукомольного производства, включавшая следующие блоки: 1) природные ресурсы для строительства и функционирования мельниц: а) места, пригодные для размещения ветряных и водяных мельниц (холмы, увалы, сужения долин; водотоки с разным объемом стока и скоростью течения); б) песчаники, используемые для изготовления жерновов; в) древесное сырье, идущее на изготовление деталей, например, *валец* ‘вал мельничного колеса’, изготавливаемый из высококачественной березы; 2) типология мельниц (ручные, водяные, ветряные, паровые); 3) устройство мельниц. Водяные мельницы дополнительно различались по положению водяного колеса (горизонтальному или вертикальному) и производительности. О существовании интенсивно работавших мукомольных центров свидетельствует иллюстрация к слову *завозно* ‘людно’, записанная в Тункинской котловине: «*Перед праздниками было так завозно, что пришлось на мельнице просидеть двое суток*» (СРГЗ,). В Псковской и Смоленской губерниях отмечен термин *ветрячок* ‘ветряная мельница «для потребы одного хозяйства, а не для получения дохода»’ (СРНГ). Лексика мукомольного производства включала названия форм организации строительства мельницы (*в складной живот* ‘сообща, на паях’), производителей услуги (*хухор* ‘мельник’) и потребителей (*помольщик*), а также отношений между ними: *лопáтное* ‘плата мельнику за помол зерна’, первоначально – плата мукой по лопате с мешка (СРНГ). О развитии товарно-денежных отношений и торговой инфраструктуры свидетельствует термин коммерческой географии *бусови́к* торговец мукой (от *бус* ‘мучная пыль’): «*Бусови́к богатый, лабазы [склады] везде имел*» (СРГЗ, с. 71).

Языковые данные свидетельствуют об изменениях в пореформенный период организации кустарных промыслов. В Вологодской губ. из *чеботарей* выделились *могурешники*, которые брали товар от хозяев и шили обувь сдельно (СРНГ.). В Забайкалье слово *мерлу́шник* ‘скорняк, занимающихся выделкой мерлушек’ приобрело значения ‘скупщик кож и овчин’ и ‘владелец кожевенного завода’: «*На бадане (корень бадана использовали как дубильное вещество) у мерлушника работал*» (СРГЗ, с. 202). Рост промышленности и торговли способствовал разделению изделий на фабричные – *магазинные* и *самоделешные* (ткани, нитки, ложки), *самоковочные* (молотила, серпы); на пиво *каба́цкое* и домашнее (СРНГ).

Обрабатывающая промышленность в городской культуре. Согласно данным СРНГ, народные названия предприятий, оборудования, специальностей сохранились в языке рабочих до этнографической современности: *мартын* ‘мартеновская печь’, *кátаль* ‘рабочий листопрокатчик’: «*Катали мы. На прокатном стане робим*» (СРНГ, 13, с. 122). В разговорной речи профессиональная лексика ограничивалась названиями предприятий и работников: *махорочницы*, в дореволюционном Петербурге – работницы табачных фабрик’ (Светлов, 2004). Научно-технический прогресс способствовал формированию оппозиции *гегемон* ‘рабочий’ / *технарь, итеэровец, итеэр* ‘инженерно-технические работники’: «*На заводе всего пять процентов итеэр, остальные работяги*» (БСР)

Наиболее полное представление о месте обрабатывающей промышленности в городской культуре дает микротопонимия. На микротопонимической схеме Ленинграда виден индустриальный «пролетарский» пояс, тяготеющий к Неве и Ободному каналу (рис. 9). Промышленная микротопонимия Ленинграда отражала состав отраслей специализации (машиностроение, химическая, легкая). Объектами номинации стали крупнейшие предприятия и НПО с численностью работающих 20-25 тыс. человек («Кировский завод», «Ленинец», «Светлана», «ЛОМО»), и наряду с ними – предприятия по изготовлению тары и т. п. Преобладали простонародные названия, характеризующие профиль предприятий: *Суконка*, *Кирзовый сапог*, *Галоши*, *Ликерка*. *Гвоздилка* (МЛП). Сниженная лексика характеризовала отношение работников к экономической эффективности производства, условиям труда: *Дыра социализма*, *Кирзавод* ‘Кировский завод’, *Рабский завод*, *Бухенвальд* ‘Охтинский химкомбинат’ (МЛП). Микротопонимической доминантой стал коньячный завод «Ара-рат» с прилегающей железнодорожной веткой, где велась незаконная торговля спиртосодержащим сырьем и готовой продукцией (*Армянский бронепоезд*, *Золотая долина*, *Пьяная поляна*, *Долина смерти*) (МЛП).

Языковые данные фиксируют привлечение иногородних к работе на промышленных предприятиях и стройках «по лимиту» (*лимитчик*, *общага*), явления девиантного поведения (приводить эту лексику и микротопонимию не представляется возможным), дифференциацию предприятий по составу работников. Состав микротопонимов соответствует специализации 79 предприятий легкой промышленности. На них производилось 18,7% промышленной продукции города и было сосредоточено 6,1% основных производственных фондов промышленности (Волков и др., 1979.). Текстильным и швейным *дунькиным фабрикам*, на которых работали бывшие сельские жительницы – *Дуньки*, *Маши*, *Мани*, *Матрешки* (БСР), противопоставлялись домостроительные комбинаты и тресты. Грубо-пренебрежительные оттеночные значения в этой группе микротопонимов выражены более отчетливо: *Быдловская контора*, *Бычий отдел*, *Бычий трест*’ (МЛП).

С системой организации научных исследований связана лексема *ящик (почтовый ящик)* – маскирующее обозначение закрытого предприятия военного назначения. В число освоенных микротопонимией НИИ и высокотехнологичных предприятий входили Государственный институт прикладной химии (ГИПХ) – *Табун*, ЛОЭП «Светлана» – *Светка*. Часть названий несла признаки нарастания антисемитских настроений, характерных для 1970-1980-х гг.: *Новый Иерусалим* – НИИ «Электронстандарт», *Синагога* – Ленинградский карбюраторный завод, *Баиня Сиона* – высотное здание КТБ ПО «Светлана» на Московском шоссе (МЛП).

В начале XXI в. Санкт-Петербург перестал восприниматься как промышленный центр. Согласно ежегодному докладу «Положение молодежи Санкт-Петербурга» (2002), как культурную столицу России город рассматривает 75% респондентов, как центр науки и образования – 49%, как индустриальный центр – 24,9%. К аналогичным выводам приводит анализ петербургской фототеки Google Earth – Panoramio. Роль информационных доминант выполняют историко-культурные достопримечательности, не связанные с промышленным производством, и ряд объектов промышленной архитектуры досоветского периода. Вместе с тем, интерес вызывают

прекратившие работу предприятия, например, мясокомбинат «Самсон», фотоизображения которого размещены на специализированных сайтах. В СМИ закрепилось словосочетание *серая зона* (по цветовому фону, которым промышленная зона обозначена на планах городов). В населенных пунктах городского типа бытует микро-топоним *промка* – промышленная зона.

В шестой главе «География сферы услуг и рекреации в традиционной и современной культуре (по данным топонимии, лексике разговорной речи и фотоизображениям)» проанализирована информация о пространственно-временной дифференциации торговли, общественного питания, транспорта, рекреации.

Торговля и общественное питание. Народная терминология коммерческой географии свидетельствует о формировании в XIX–XX вв. торговых сетей, связывавших посредников, производителей готовой продукции, продавцов товаров оптом и в розницу. Торговля и торговцы различались по месту (в лавках, временных павильонах, разъездная), по видам товара (*чугунник, нитошница, тряпичница, красноярка*). *Магазэй, магазина* – производные от исторического слова *магазёя* приобрели современное значение ‘магазин’: «Раньше у нас в деревне была магазина, а ныне колхозный склад» (СВГ, 1990, с. 66). С торговлей между Китаем и Россией связано появление термина *маймачин* (от китайского *маймачин (маймачен)* – торговое место) – точка, куда люди съезжаются в определенное время для торговли или род ярмарки или большого базара, которые могли проходить в городе или селе, где соорудились лавки-временки (СРГЗ). Под влиянием городской культуры у слова *биржа* появилось значение ‘рынок, базар, торговая площадь’ (СОВН).

Географию и время проведения ярмарок определял народно-православный календарь – система престольных праздников, нашедшая отражение в храмонаименованиях и христианской ойконимии (рис. 14).

Рис. 14. Пространственно-временная дифференциация престольных праздников (по материалам Церковно-исторического атласа Вологодской области, 2007)

В пределах локальных систем расселения престольные дни распределялась по сезонам хозяйственного года с учетом интенсивности трудовой деятельности. Меньшее число храмонаименований связано с летним периодом, максимальное – с осенним и зимним. На престольные праздники приходились гостевые поездки, выполнявшие стабилизирующие социум функции (Снегирев, 1837; Новожилов, 2006). Объектами языковой номинации становились сами праздники, временные павильоны и продаваемые товары: *Поляна* ‘гулянье на Семик в окрестностях г. Вологды с

торговлей лакомствами' (СОВН), *кóлокол* 'круглая палатка для продажи напитков на гулянье' (СРНГ).

Ключевое место в территориальной структуре общественного питания в условиях этноэкомики занимали сети питейных заведений, активно развившиеся в пореформенный период под влиянием отходничества, усвоения отдельных черт городского образа жизни. Региональные словари содержат многочисленные названия мест торговли и распития спиртных напитков, в том числе негативно окрашенные: *шинок, кабак (кабац, каба́чец), монопо́льня* (СРНГ), *разува́евка* (СРГЗ). Одновременно формировалась система общественного питания и гостеприимства. В Астраханской губернии в середине XIX в. зафиксировано слово *жерешня* – 'харчевня, где продавали также припасы для простого народа'. В псковских и смоленских говорах отмечено слово *домóвик* 'хозяин постоялого двора' (СРНГ).

В современной городской культуре предприятия торговли и общественного питания – важнейшие компоненты освоенного в бытовом отношении пространства. В лексике разговорной речи и микротопонимии они различаются по внешнему облику (*стекляшка, Кривой магазин, Кишка, Шайба*), качеству товара и обслуживания (*сельпо*), форме торговли (*барахолка, толчок, комок*). Высокая концентрация розничных торговых предприятий в Петербурге отмечена в районах исторической застройки и в промышленной зоне XIX – начала XX в. (см. рис. 9). Микротопонимы, несущие информацию негативного характера, маркируют места незаконной торговли и валютных операций (*Черный угол*), центры сосредоточения магазинов и пивных (*Пьяный угол, Бермудский треугольник*), мест распития спиртных напитков во дворах и скверах (*Пьяная улица, дворик, поляна, «рестораны» Слон, Бугры, «кафе» Ромашки*), проявлений девиантного поведения, тяготеющих на городской периферии к железной дороге (*Пробковая аллея, Аллея любви*) (МЛП). В спальных районах зафиксированы названия универсамов и торговых центров, число которых в советское время было невелико.

Транспорт. Согласно переписи 1887 г. перевозками занимались жители Петербургского и Московского краев, Сибири. Бытовали общие понятия – *ямщина, извоз* и связанные с транспортным обслуживанием фразеологизмы, например, *в дороге за оглоблей*: «*В дороге за оглоблей вся жизнь прошла*» (СРГЗ, с. 103). С появлением железнодорожного сообщения возник новый пласт лексики и понятие, близкое к *полимагистралу* Г. М. Лапко: *сибиркой* называли Сибирский тракт и Транссибирскую магистраль' (СРНГ).

В современной городской культуре транспорт занимает ведущее место по числу и разнообразию метафор, связанных с транспортными средствами (*колбасные поезда* советской эпохи, *бешеная табуретка* 'самодельная мотодрезина'). В молодежную речь и креолизованные тексты вошла метафора *ездить на собаках* – путешествовать, пересаживаясь с одной электрички на другую, обычно, бесплатно (БСР). Магистралы и средства транспорта, исторические и современные – наиболее популярные объекты фотофиксации (например, *Ночная собака* – ночная электричка). С мифологизацией транспорта связан ряд городских легенд.

Рекреация в традиционной культуре встроена в хозяйственный год и сопряжена с обрядовой деятельностью. На основании языковых материалов и этнографических данных выделены: 1) повседневная рекреация, локализованная в пределах

а) селитьбы (дом, полевой стан, стоянка промысловиков); б) сельскохозяйственных и промысловых угодий; в) коммуникаций (дороги, охотничьи тропы, реки); 2) воскресная рекреация, в том числе сбор дикоросов и другие считавшиеся лёгкими работы: «*Завтра праздник воскресенья, / Нам гуляющий день придет, ... / В лес за ягодам пойдём*» (Вологодская губ.) (СРНГ, 7, с. 226); 3) праздничная рекреация, связанная с народно-православным календарем и обрядами жизненного цикла (дни торгов, гостевого общения, смотрин, обручения, свадеб). Большой «глубиной разрыва» трудовой повседневности отличались *гробные праздники* (СРНГ), во время которых действовал запрет на любую работу. Коммуникативную функцию выполнял праздник *свеча*, отмечаемый в дни *Николы летнего (зимнего)* жителями одного или нескольких селений, объединенных родством или экономически (СРНГ).

В основе номинации праздников лежал христианский и хозяйственный календарь, ряд названий имел смешанную основу (*Акулина-Гречишница, Медовый Спас*). Праздник Спаса (19 августа) на Русском Севере называли *горосьни* или *гороховый день*, с этого дня разрешалось есть горох, репу и другие овощи (СРНГ).

Местами локализация народных праздничных обрядов и зрелищ становились окраины и ближние окрестности селений: присельные выгоны и поля, долины рек и прилегающие части междуречий (*Купала, Красная горка*); кладбища (*Троицкая суббота, Радуница*); лесные выделы и отдельные природные объекты (деревья, большие валуны, источники).

Привлечение сельских жителей на заводы и фабрики вызвало необходимость в переделке «человека русского» (патриархально-крестьянского) в «человека индустриального» (Лебина, 2004). Эта функция была возложена на народные дома, рабочие клубы и сады, создание которых началось в конце XIX в. В советское время появилось понятие парка культуры – *пыльник*. Сеть клубов «пролетарского пояса» Петербурга приблизилась по плотности к церковным приходам и была полностью охвачена топонимизацией: *Молоток* ‘Дом культуры «Мир»’, *Карлуша* ‘Дом культуры им. Карла Маркса’, *Крупа* ‘Дом культуры им. Н. К. Крупской (МЛП).

Современный этап развития рекреации начался в 1960-е гг. Направление туристских потоков наглядно отражает оппозиция *Юга – Севера*. Восприятие природных ресурсов Крыма, Кавказа, побережья Черного моря воплощает оценочная лексема *шикарная* (погода, растительность, природа). Ойконим *Сочи* приобрел значения ‘сильная жара’, ‘жизненное благополучие’ (БСР).

Постиндустриальную эпоху характеризует рекреационное освоение практически всей территории России. В крупнейших городах радиус зоны рекреационного освоения достигает нескольких сотен километров. Концентрации точек фотофиксации приурочены к территориям с приречным, приозерным, приморским типом расселения, устьевым точкам, природным и культурным достопримечательностям, особенно привязанным к дорожной и речной сети. В разряд туристских ресурсов перешли используемые для джипинга непроезжие дороги. Роль рекреации в информационном освоении территории России наглядно отражает распределение фотоизображений, инкорпорированных в геоизображения Google Earth и Яндекс. Карты (рис. 15). Максимальные плотности меток в развитых в социально-экономическом отношении регионах обусловлены густотой сети поселений, высокой интернет-грамотностью населения в сочетании с туристской привлекательностью территории. В

слабо освоенных регионах (Карелия, Мурманская область, Камчатка) именно туризм определяет высокую информационную освоенность, на что указывает содержание фототек.

Рис. 15. Информационная освоенность территории России (по данным Google Earth – Panoramio, 2013 г. и Социальному атласу российских регионов – <http://atlas.socpol.ru>)

Информационная освоенность согласуется с интенсивностью туристских потоков. По данным Правительства Вологодской области за 2007–2012 гг., лидирующее место по развитию туризма в регионе занимает Кирилловский район, на территории которого расположены четыре монастырских комплекса, в том числе Ферапонтов монастырь с фресками Дионисия – объектом Всемирного культурного наследия (рис. 16). Охвачены фотофиксацией акватория и земли вдоль Волго-Балтийского пути. Вокруг Череповца формируется ареал пригородного освоения, где объектами фотофиксации становятся дачные поселки, дороги, элементы и компоненты геосистем (представители флоры, фауны, речные долины и др.).

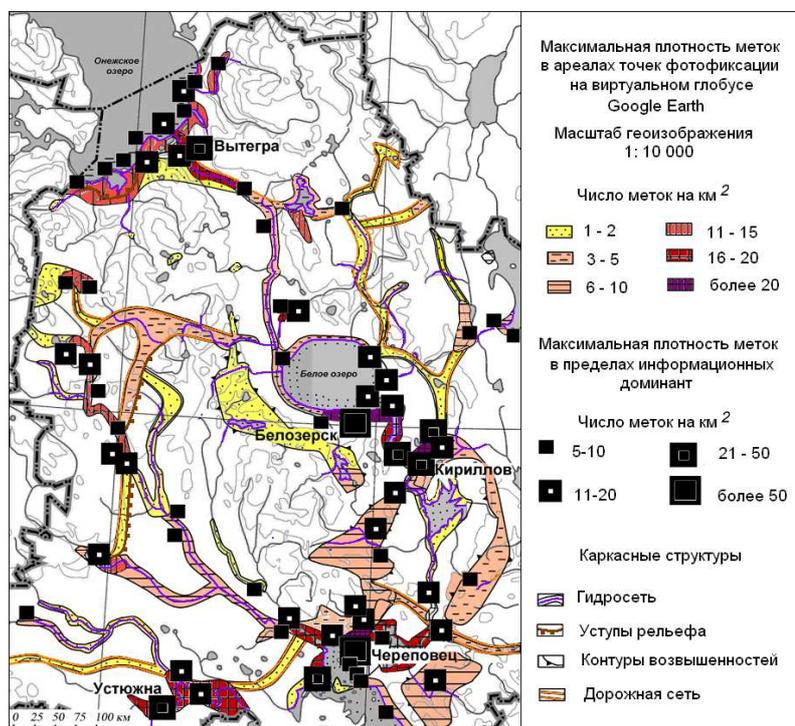

Рис. 16. Информационная освоенность зоны Волго-Балтийского водного пути и прилегающей территории (по данным Google Earth – Panoramio, 2010 г.) (Соколова, 2011)

В седьмой главе «**Геопространство – ойкумена в культурах традиционного и современного типа**» рассмотрена специфика субъективного, культурно обусловленного восприятия и структурирования *своей*, «одомашненной» части геопространства. Обосновано использование понятий *ядро ойкумены* – место проживания

носителей культуры и языка; *малая ойкумена* – реально и информационно освоенная территория (*деревня, печище* в традиционной культуре, *город и пригород* в современной); *большая ойкумена* – территория, освоенная преимущественно информационно, расположенная за пределами основной зоны хозяйственной и иной пространственной деятельности.

Морфология и структура ойкумены. Ойкумене присуща упорядоченность по вертикали и горизонтали. На основе анализа географической лексики холмогорского говора (по материалам СХГ) автором установлена дифференциация ойкумены помора на семь условно концентрических зон, формирующихся вокруг поселения (Соколова, 1994). С помощью лексико-географического метода установлено уменьшение числа фиксируемых в языке объектов и деталей по мере удаления от зоны ядра к границам малой и большой ойкумены. Количественный анализ терминосистем показал, что поселение и прилегающая территория воспринимаются наиболее подробно, в масштабе, позволяющем фиксировать и означивать все элементы селитьбы, природный субстрат (микро-и нанорельеф, неоднородность растительного покрова, смену условий увлажнения), угодья и их внутреннюю неоднородность, влияющую на продуктивность и условия ведения хозяйства.

На уровне малой ойкумены отчетливо проявляются архаические схемы номинации объектов с помощью метафор, демонстрирующих подобия человека, дома и окружающей географической реальности. Материалы диалектной лексикографии и микротопонимии позволяют построить «географический гомункулус», компонентами которого выступают природные объекты, что отмечено с позиций топонимии Э. М. Мурзаевым (1995), земельные наделы, лесные выделы, части орудий труда и инструменты. В современной культуре анатомическая метафоризация касается транспортных средств, компьютеров, других технических устройств. В городской и сельской микротопонимии присутствуют лексемы *голова, пупок* (названия гор, холмов, вершин), *зуб, палец, нос, фаллос* (скалы, монументы и другие вертикальные доминанты), *рука, нога, кишка, чулок, рукав, штаны* (объекты и сооружения характерного планового рисунка). Одновременно проекцией техно- и агросферы становится сам человек, морфологические части которого ассоциируются с деталями машин, сельскохозяйственным инвентарем и проч. (*фары, рубильник, грабли, лопата* и т. п.), и социальные общности (*малинник, курятник*) (БСР)

В модели крестьянского дома реализованы одновременно две пространственные схемы: «круговая» кочевая и «квадратная» оседлая (рис. 17). Сакральный и функциональный центр дома – некогда очаг, круг костра, архетипическое начало *своего* мира – не вписывается в прямоугольные контуры сруба, что приводит к дифференциации стен и углов на ближние (в том числе *красный угол*) и дальние (*задние, чёртовы*), принадлежащие зонам периферии и насыщенные негативной семантикой. Пределы дома «простираются» до границ малой и большой ойкумены, также дифференцированных на стороны и углы, ближние, дальние, свои и чужие. Аналогичным образом устроена модель ойкумены горожанина. Ориентацию Санкт-Петербурга по оси «север – юг» маркируют микротопонимы *Самый северный бар*; Северное и Южное кладбища (в микротопонимии *Северный* и *Южный соцлагерь*), по оси «запад – восток» – кварталы Юго-Запада (*Дикий Запад*). «Околицу» воплощали

кварталы на Московском шоссе (*Выселки*) и Правом берегу Невы (*Пролетарская пустыня*) (МЛП).

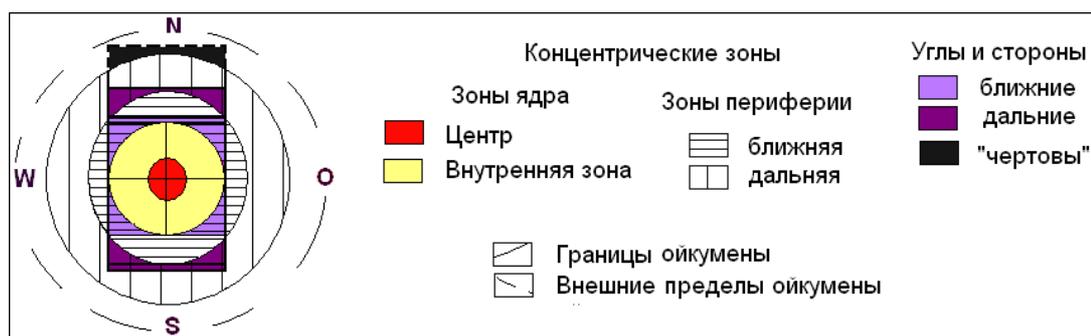

Рис. 17. Дом и ойкумена. Универсальная матрица дифференциации пространства

Освоение большой ойкумены приходило преимущественно информационно. Получению сведений о *дальних землях* способствовали паломничество, религиозное просвещение, отходничество, торговля. В русские говоры вошли слова, производные от топонимов Иордан (*Ордан-река* в заговорах) – *ордань, ердань* ‘большая прорубь’ (СРНГ), Палестина – *палестинка* ‘участок земли; поляна; красивое место в лесу’ (СРНГ). Широкое распространение получили названия культурных растений: *бухарка* ‘дыня’ (СРНГ), тканей: *аглецкая материя* ‘кумач’ (СРНГ), *аглини* ‘сорт сукна’ (СРНДРС), технических устройств: *американка* ‘вид плуга’ (СРГП),.

Таким образом, при переходе от поселения и его хозяйственной зоны к более крупным территориальным целостностям (поречье, бассейн реки), соседним и удаленным регионам, рубежам большой ойкумены (государственная граница, соседние страны) детальность описания и объем информации резко уменьшаются. Происходит «разрыв» масштабного ряда, передать который способны картоиды (см. Родман, 1977, 1999). Для выявленного свойства ойкумены, первоначально определенного как полимасштабность (Соколова, 1994, 1996), в работе использован более точный и не имеющий других толкований термин *переменная масштабность*. Это свойство в полной мере присуще восприятию ойкумены в городской культуре. На территории Санкт-Петербурга максимальные концентрации микротопонимов и фотозображений приурочены к участку Невского проспекта (в микротопонимии *Брод, Бродвей*), определенному географами и социологами как общегородской центр (Файбусович, 2000; Желнина и др., 2003). Всё вышеизложенное позволяет говорить о переменной масштабности как специфическом признаке восприятия пространства в «народной» географии.

Этносоциальная дифференциация ойкумены. Противопоставление своих и чужих – характерная черта традиционного мировосприятия, проявляющаяся на всех уровнях дифференциации ойкумены (рис. 18). Дифференциация территориальных объектов и общностей людей осуществляется на уровне поселения (части *бедные* и *богатые*), локальной и региональной систем расселения, экономических районов. Так *заводские* – работники уральских заводов противопоставляли себя и казакам, и инородцам: «*Ордой заводские называют и Башкирию, и казачьи земли Оренбургской губернии*» (СРНГ, 23, с. 332). В номинации могут быть использованы различные

признаки (этнический, экономический и др.), семантически окрашенная цветовая составляющая, например, деление станции Даурия жителями военного городка на свою *Белую Даурию* и *местную Черную*.

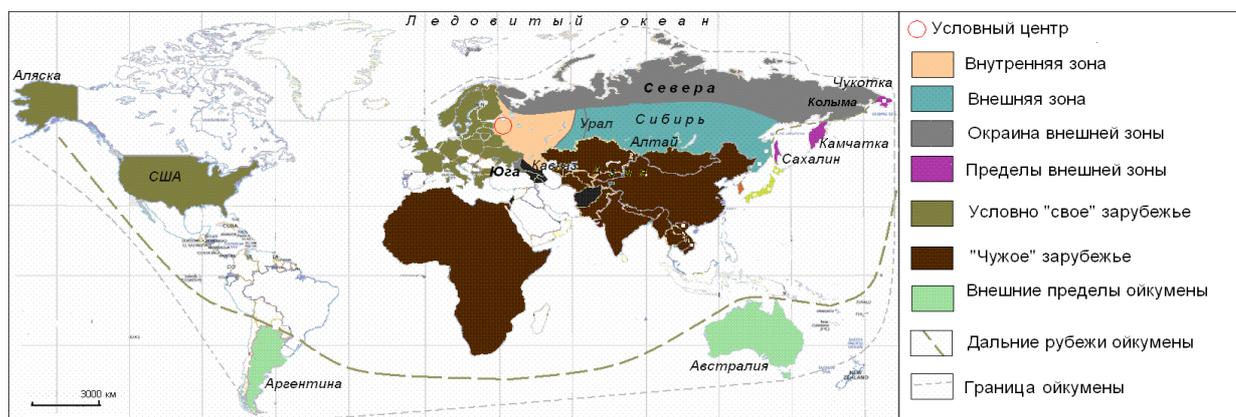

Рис. 18. Большая ойкумена жителя Центра и Северо-Запада России: условно «свое» и «чужие» территории (по данным БСР)

Ядро *своей* территории совпадает с центром малой ойкумены, сельским или городским поселением. Появление в их пределах *чужих* способствует ксенономии с использованием сниженной и бранной лексики. Языковые данные свидетельствуют об изменении состава этнических групп, вовлеченных в процесс экспрессивной ксенономии при сохранении низкого уровня толерантности. В конце XIX в. наиболее многочисленными этносами в крупных городах были украинцы, белорусы, евреи, армяне, азербайджанцы, грузины. Евреи – сугубо городской этнос. В советское время он отличался самой высокой численностью лиц с высшим образованием, что нашло отражение в ксенономиях и негативно окрашенной микротопонимии (см. БСР, МЛП). Переписи 2002 и 2010 гг. показали резкое сокращение еврейского населения в Москве, Петербурге и России в целом и рост численности выходцев с Кавказа и Средней Азии, ставших воплощением *чужих* в современной разговорной речи и молодежном сленге, что согласуется с данными социологических опросов, проводившихся на протяжении 1990–2000-х гг.

В **заключении** приведены основные выводы и результаты работы:

1. Материалы диалектной и топонимической лексикографии, словари сленга и фототеки, инкорпорированные в виртуальные глобусы и карты, являются полноценными источниками социальной, культурной, рекреационной географии. Информация о географическом пространстве, представленная в языковой и визуальной форме, имеет общекультурное содержание (доступные для восприятия характеристики объектов: морфология, функционирование, динамика), отображает региональную и местную специфику хозяйства (состав отраслей, используемых ресурсов, профессиональные группы, производимую продукцию), этнокультурные особенности населения (конфессиональная принадлежность, образ жизни – сельский, городской), а также особенности обрядовой и рекреационной деятельности, избирательность восприятия территории, состав аттракций.

2. Географический анализ языковой и визуальной информации опирается на системно-структурный подход, методы географии и гуманитарных наук (логико-понятийное моделирование, контент-анализ и др.). Индуктивный метод позволяет

наиболее полно раскрыть географическую специфику используемых языковых и виртуальных источников.

3. В основе традиционных и современных повседневно-бытовых представлений о свойствах геопространственных систем, их элементов и компонентов лежат морфологические и оценочные признаки (относительные размеры и габитус составляющих объектов, ресурсные особенности, аттрактивность); подчиненное значение имеют динамика, эволюция, генезис объектов, внутренние взаимосвязи между компонентами. Теоретическая концепция геосистемы как генетической целостности чужда «народной» географии, где господствует компонентный морфоресурсный подход. Носители современной культуры воспринимают природные объекты с позиций аттрактивности, комфортности, экологичности.

4. В основании народных терминосистем лежат понятия общественной географии, связанные с соответствующими секторами экономики, что до настоящего времени не находило должного отражения в исследованиях народной географии и практике составления словарей местной географической терминологии.

5. Наиболее полно в народной географической терминологии и топонимии раскрыта пространственно-временная структура аграрно-промысловых отраслей хозяйства и связанная с ними обрядность. В горнопромышленных регионах лингвокомплексы приобретают профессиональную специализацию, которая утрачивается по мере деструкции производственно-расселенческих систем, реального и информационного «запустевания» территории. В географической лексике городского просторечия представлена преимущественно непромышленная сфера.

6. Принципиальные различия между системами географических понятий культур традиционного и современного типа обусловлены формированием и функционированием в рамках двух различных по цели и содержанию видов деятельности: в традиционной культуре – производственной и религиозно-обрядовой, обеспечивающих устойчивое существование локального и регионального социума, в современной повседневно-бытовой – непромышленной и рекреационной. Роль культурных скреп выполняют *сквозные* понятия и термины, описывающие морфологию каркасных структур (речных долин, сухопутных коммуникаций, планировочных элементов селений) и объектов природного и культурного наследия. Информационная освоенность территории на современном этапе связана преимущественно с рекреационной деятельностью.

7. Ойкумене как субъективно воспринимаемой части геопространства присущи переменная масштабность, семантическая неоднородность, дифференциация с помощью бинарных оппозиций (ближний / дальний; свой / чужой). Информационная освоенность геопространства – ойкумены в традиционной культуре коррелирует с хозяйственной освоенностью территории. В современной культуре наблюдаются как прямая, так и обратная зависимости, обусловленные высокой аттрактивностью заброшенных селений, культовых построек, удаленных труднодоступных мест, используемых населением для активных видов рекреации.

Дальнейшее развитие информационно-географических исследований автор видит в организации междисциплинарных проектов, которые позволят скоординировать усилия разных специалистов по изучению этнокультурной специфики восприятия, языковой номинации и визуализации геопространства на региональном и

локальном уровне; в создании региональных баз языковой и визуальной информации, мониторинге процесса информационного освоения территорий.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, входящих в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Соколова, А. А. Охта: старейшая местность Петербурга в зеркале Internet / А. А. Соколова // География в школе. – № 5. – 2003. – С. 32–36. – 0,5 п. л.
2. Соколова, А. А. Уникальные ландшафты Ленинградской области / Т. С. Комиссарова, А. А. Соколова // География в школе. – № 3. – 2003. – С. 33–37. – 0,5/0,4 п. л.
3. Соколова, А. А. Лексико-информационное пространство: географическая сущность и этнокультурная специфика / А. А. Соколова // Известия Русского географического общества. – 2007. – Т. 139. – Вып. 6. – С. 15–23. – 0,5 п. л.
4. Соколова, А. А. Еще раз про ландшафт, культурную географию, этнокультурное и лингволандшафтоведение / А. А. Соколова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 7. Геология. География. – 2011. – Вып. 1. – С. 114–123. – 0,5 п. л.
5. Соколова, А. А. Виртуальное освоение и виртуальные образы региона (по данным Google Earth и Panoramio) / А. А. Соколова // Известия Русского географического общества. – 2010. – Т. 142. – Вып. 6. – С. 31–40. – 0,5 п. л.
6. Соколова, А. А. Гуманитарная география: к вопросу о делимитации границ предметной области / А. А. Соколова // Известия РАН. Серия географическая. – 2011. – № 5. – С. 109–118. – 1,0 п. л.
7. Соколова, А. А. Зона Волго-Балтийского водного пути на геоизображении Google Earth: виртуальное пространство и визуализированная реальность / А. А. Соколова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Науч. журнал. – СПб., 2011. – № 141. – С. 148–160. – 0,8 п. л.
8. Соколова, А. А. Географическое содержание образа туристской территории и проблема его достоверного отображения при продвижении туристских ресурсов / А. А. Соколова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: науч. журнал. – СПб., 2011. – Т. 6. Экономика. – № 3. – С. 180–191. – 0,5 п. л.
9. Соколова, А. А. Лесные ресурсы Нерчинского горного округа: изучение, оценка и использование в XVIII–XIX вв. // Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – № 11 (78). – С. 104–111. (0,5 п. л.).
10. Соколова, А. А. Диалектология и гуманитарная география / А. А. Соколова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: науч. журнал. – СПб., 2011. – Т. 1. Филология. – № 4. – С. 142–146. – 0,3 п. л.
11. Соколова, А. А. Граница России в традиционной картине мира и интернет-образах (по данным Google Earth – Panoramio) / А. А. Соколова // Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – № 12 (79). – С. 111–119. – 0,5 п. л.
12. Соколова, А. А. Географические объекты в традиционной картине мира: зрительное восприятие и языковые образы / А. А. Соколова // География в школе. – 2011. – № 9. – С. 34–37; № 10. – С. 21–25. – 0,4 п. л.
13. Соколова, А. А. К вопросу о гуманитарных направлениях в географии: трудности диалога / А. А. Соколова // Региональные исследования – 2011. – № 3. – С. 59–69. – 1,0 п. л.
14. Соколова, А. А. Нерчинский горный округ: историко-географический очерк / А. А. Соколова // Известия Русского географического общества – 2012. – № 1. – С. 72–82. – 0,5 п. л.
15. Соколова, А. А. Историческая география и географическое просвещение (по

итогах IV международной конференции «Глобальные и региональные проблемы исторической географии») / Л. Б. Вампилова, А. А. Соколова // Известия РАН. Серия географическая. – 2012. – №1. – С. 125–127. – 0,3/0,2 п. л.

16. Соколова, А. А. Севернорусская модель природопользования в условиях межгорных котловин Забайкалья (по материалам диалектной лексикографии) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: Науч. журнал. Серия «Естественные науки». – 2012. — №1. – С. 39–44. – 0,5 п. л.

Монографии

17. Соколова, А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов: монография / А. А. Соколова. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. – 392 с. – 18 п. л. – ISBN 978-5-8290-0745-4.

18. Соколова, А. А. Folk-география Забайкалья: Опыт кросс-культурного анализа научных и народных представлений о ландшафтах региона: монография / А. А. Соколова. – Saarbrücken: LAP, 2011. – 301 с. – 14 п. л. – ISBN 978-3-8454-2537-5.

Статьи, главы в монографиях и сборниках

19. Соколова, А. А. Между *алданом* и *урманом*: земной космос забайкальского крестьянина / А. А. Соколова. // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка: сборник статей. – М.: Индрик, 2003. – С. 486–498. – 0,5 п. л.

20. Соколова, А. А. Интернет-образ как исторический тип модели территории / А. А. Соколова. // Историческая география: Теория и практика: сб. статей. – СПб.: Изд-во РГГМУ, 2004. – С. 62–67. – 0,5 п. л.

21. Соколова, А. А. Ойконимия и культурные ландшафты Вологодской области / А. А. Соколова // Проблемы этнической географии и культурного районирования: сб. науч. статей. – Псков: Изд-во АНО «Центр социального проектирования «Возрождения», 2004. – С. 109–117. – 0,5 п. л.

22. Соколова, А. А. Информосфера и информационная география / А. А. Соколова // География на рубеже тысячелетий. Труды XII съезда РГО. – СПб., 2005. – Т. 1. – С. 148–153. (0,4 п. л.).

23. Соколова, А. А. Двинский Север как объект лингвогеоикионики (организация пространства по вертикали «вода – земля – небо») / А. А. Соколова // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 90–112. – 1,0 п. л.

24. Соколова, А. А. Христианская ойконимия Вологодской области (опыт информационно-географического исследования) / А. А. Соколова // Псковский регионологический журнал. – № 3. – Псков: ПГПУ, 2006. – С. 135–151. – 1,2 п. л.

25. Соколова, А. А. Дом – печь – ойкумена: универсальная матрица организации традиционного пространства / А. А. Соколова // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. – М.: Институт Наследия, 2007. – С. 10–34. – 1,1 п. л.

26. Соколова, А. А. Столицы, глубинка и глушь в информационном пространстве Интернет / А. А. Соколова // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 5. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 16–33. – 0,7 п. л.

27. Соколова, А. А. Географическая реальность в лексико-информационном пространстве литературного произведения. Роман П. И. Мельникова-Печерского «В лесах») / А. А. Соколова // География и искусство: сборник статей. Вып. V. – М.: Институт Наследия, 2009. – С. 109–159. – 2,1 п. л.

28. Соколова, А. А. Информационная освоенность территории по данным топонимии и интернет / Соколова А. А. // Историческая география ландшафтов на рубеже XX–XXI веков: сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения В. С. Жекулина. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – С. 106–120. – 0,7 п. л.

29. Соколова, А. А. Трансформация российского пространства и процессы информационного «освоения» территории / А. А. Соколова // Российская глубинка – модели и методы изучения: сб. статей. – М.: Эслан, 2012. – С. 404–418. – 0,8 п. л.

Материалы конференций

30. Соколова, А. А. Барга: территория границы (географические аспекты изучения) / А. А. Соколова // Геоэкология, краеведение, туризм: Материалы IV-х Царскосельских чтений: науч.-теор. межвуз. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2000 г.) – СПб.: ЛГОУ, 2000. – С. 119-129. – 0,3 п. л.

31. Соколова, А. А. Словесные образы и символика пространства в геоинформационных системах / А. А. Соколова // География, общество, окружающая среда: развитие географии в странах Центральной и Восточной Европы: Тез. докладов междунар. науч. конф. (Калининград/Светлогорск, Россия, 4–7июня 2001 г.). Ч. 2 – Калининград: Изд-во КГУ, 2001. – С. 60–62. – 0,1 п. л.

32. Соколова, А. А. Географическое пространство – время в романе «Поднятая целина» / А. А. Соколова // Материалы первой науч.-практ. конф. «Музей-заповедник: экология и культура» (станция Вёшенская, 25–26 августа 2004 г.). – Ростов н/Д., 2004. – С. 24-26. – 0,2 п. л.

33. Соколова, А. А. Роль культурного обмена в формировании традиционных образов забайкальского трансграничного региона / А. А. Соколова // Проблемы устойчивого использования трансграничных территорий: Материалы междунар. конф. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2006. – С. 67–70. – 0,4 п. л.

34. Соколова, А. А. Кросс-культурный анализ традиционной и современной научной систем географических понятий – терминов / А. А. Соколова // Первый Российский культурологический конгресс (25-29 августа 2006 г.). Программа. Тезисы докладов. – СПб.: Эйдос, 2006. – С. 188-189. – 0,1 п. л.

35. Соколова, А. А. Концепция лингвотопа в географии и краеведении А. А. Соколова // XIV Царскосельские чтения «Профессиональное образование: социально-культурные аспекты»: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2010 г.). – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – Т. II. – С. 300–302. – 0,2 п. л.

36. Соколова, А. А. Лингвометод в региональных географических исследованиях / А. А. Соколова // Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития в современном мире: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 10-летию создания кафедры страноведения и международного туризма Санкт-Петербургского государственного университета (15–18 апреля 2010 г.). – СПб.: ВВМ, 2010. – С. 80–84. – 0,3 п. л.

37. Соколова, А. А. Царское Село – город Пушкин в системе образов *неогеографии* («нового землеописания») // Экологическое равновесие и устойчивое развитие территории: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30–31 марта 2010 г.). – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – С. 82–85. – 0,2 п. л.

38. Соколова, А. А. Информационные аспекты горнопромышленного освоения территории (на примере Нерчинского горного округа) / А. А. Соколова // Историческая география Азиатской России: Материалы Всероссийской науч. конф. (Иркутск, 28–30 ноября 2011 г.). – Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2011. – С. 74–75. – 0,2 п. л.

39. Соколова, А. А. Общество и окружающая среда в географии постмодерна / А. А. Соколова // Экологическое равновесие: человек и окружающая среда: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 октября 2012 г.). – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. – С. 142–146. – 0,3 п. л.

Методические пособия

40. Соколова, А. А. Познавательные тропы «Вепского леса»: методика проектирования: практическое пособие по краеведению: учеб. пособие / А. А. Соколова. – СПб.: ЛГОУ им. А. С. Пушкина, 2003. – 40 с. – 2,5 п. л. – ISBN 5-82-90-0402-X.